

ОДИССЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ 2023 №2

История науки

В этом номере:

Создавая автобиографию

Историк и изображения

Образ «Другого»

История как игра метафор

2023 №2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ
Человек в истории

История науки

2023

Москва
ИВИ РАН 2023

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году
А. Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь; отв. ред.), О.Е. КОШЕЛЁВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Н. ЗЕМОН ДЭВИС, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук К.Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ
кандидат исторических наук К.С. ХУДИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.
ISSN 1607-6184

2023. №2 (31): История науки / [гл. ред. А.О. Чубарьян ; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2023. №2 (31). – 469 с.

В очередном выпуске «Одиссея» читатель увидит новые аспекты проблематики традиционных рубрик издания. В статьях подзаголовка «Святой и общество» феномен святости и связанные с ним религиозные практики рассматриваются как один из важнейших источников знаний о ментальности, поведенческих моделях и системе социально-политических представлений общества и отдельных социальных групп, для которых святой становится значимым символом идентичности. «Образ Другого» - тема, поднимающая вопросы коллективной идентичности и особенностей духовной культуры, раскрывается на материале «Штирийской таблицы народов» (XVIII в.).

В этом номере появились и новые рубрики, в которых рассматриваются приёмы конструирования автобиографии интеллектуалом X в. и особенности антикварного метода при составлении «Обозрений земного круга» в раннее Новое время.

Традиционный раздел рецензий представлен обзорами книги о визуальных интерпретациях дантовских образов, а также мультидисциплинарного издания, проливающего свет на ещё не достаточно изученную историю зарождения ботаники в России времени Петра I.

© Коллектив авторов, 2023

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2023

© Институт всеобщей истории РАН, 2023

Оглавление

СОЗДАВАЯ АВТОБИОГРАФИЮ

- Антаподосис Лиутпранда, или Как устроиться на службу при саксонском дворе в X веке.....9
Брахман А.А.

СВЯТОЙ И ОБЩЕСТВО

- «Терпение, с которым надлежит присваивать реликвии»: О некоторых сюжетах в истории культа св. Цезария Арелатского.....37
Омельченко Д.М.

- «А дача его образы, и книги, и милостынные денги... - а имянно всего не исписать»: объем и динамика денежных вкладов Ивана Грозного в монастыри.....69
Шокарев С.Ю.

- Гробница святого в пространстве русского храма XVII века.....134
Мельник А.Г.

- Быт шиитских паломников в Наджафе и Кербеле в XIX в.....163
Евстратов А.Г.

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

- Антихрист в Вифлееме? От Ван дер Вейдена к Босху.....183
Майзульс М.Р.

ОБРАЗ «ДРУГОГО»

- «Таблица народов» в контексте культурных стереотипов о русских и немцах раннего Нового времени.....241
Келлер А.В.

ИСТОРИЯ КАК ИГРА МЕТАФОР

Политическое тело, микрокосм и зодиакальный человек: метафора тела в английском и французском религиозно-философском и политическом дискурсе XIV–XV вв. 267

Бычков П. С.

SCRIPT / ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ

«Искусство слова»: Протестанты в официальном дискурсе французской монархии XVII–XVIII вв. 297

Пименова Л. А.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Отражение антикварного метода «ветхого любопытника» Уильяма Кемдена в церковно-славянском переводе «Британии» 319

Болдырева Н. А.

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

«Как жил, кого любил, кому руки не подал»: К вопросу об этических оценках поведения студентов исторического факультета МГУ начала 40-х годов XX века 343

Левинсон К. А.

ПУБЛИКАЦИИ

«Святая земля». Глава из «Атласа, или Космографических размышлений о сотворении мира и форме сотворённого» Меркатора-Хондия 381

Герштейн А. Б.

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

«Божественная Комедия» сквозь призму визуальных образов 403

Лучицкая С. И.

Соцветие наук для изучения исторического гербария 409

Ожунева О. В.

IN MEMORIAM

Памяти Найджела Палмера 419

Ганина Н. А.

Женщина в истории. Памяти Натали Земон Дэвис.....	428
<i>Уваров П.Ю.</i>	
Памяти Эммануэля Ле Руа Ладюри	446
<i>Яцук С.А.</i>	

ОБ АВТОРАХ**ABSTRACTS**

Contents

CONSTRICTING AN AUTOBIOGRAPHY

<i>Antapodosis</i> by Liutpraud of Cremona, or How to Get a Job at the Saxon Court in the 10 th Century <i>Brakhman A.A.</i>	9
--	---

THE SAINT AND SOCIETY

«The Patience with which Relics Should Be Appropriated» : About Some Stories in the History of the Cult of St. Caesarius of Arles <i>Omelchenko D.M.</i>	37
«His Donations are Icons, Books, and Money... and Everything Cannot Be Enumerated»: the Volume and Dynamics of Ivan the Terrible's Monetary Donations to Monasteries <i>Shokarev S.Yu.</i>	69
A Tomb of a Saint in the Space of a Russian Temple of the 17 th Century <i>Melnik A.G.</i>	134
Life of Shi'I Pilgrims in Najaf and Karbala in the 19 th Century <i>Evstratov A.G.</i>	163

HISTORIAN AND THE IMAGE

Antichrist in Bethlehem? From van der Veiden to Bosch <i>Maizuls M.R.</i>	183
--	-----

IMAGE OF THE "OTHER"

The Table of Nations in the Context of Cultural Stereotypes about Russians and Germans of the 17th — 19th Centuries

Keller A.V......241

HISTORY AS A PLAY ON METAPHORS

Body Politic, Microcosmos and Zodiac Man: Body Metaphors in English and French Religio-Philosophical and Potilical Discourse of the 14th — 15th Centuries

Bychkov P.S......267

SCRIPT / ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL TRADITION IN THE EARLY MODERN TIME

«Art of the Word»: Protestants in the Official Discourse of the French Monarchy of the 17th — 18th Centuries

Pimenova L.A......297

HISTORY OF SCIENCE

Reflection of the Antiquarian Method of «Old Curious Person» William Camden in the Church Slavonic Translation of «Britainnia»

Boldyreva N.A......319

HISTORIAN AND TIME

«How Lived, Whom Loved, Whom Didn't Shake a Hand with»: on the Question of Ethical Assessments of Students' Behavior on the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University in the Early 1940es

Levinson K.A......343

PUBLICATIONS

The Chapter «Holy Land» in the <i>Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created</i> by G. Mercator — J. Hondius <i>Gerstein A.B.</i>	381
---	-----

BOOK REVIEWS

The Dante's «Divine Comedy» with the Eyes of Visual Images <i>Luchitskaya S.I.</i>	403
«Florilegium Scientiarum» and the Study of Historical Herbarium <i>Okuneva O.V.</i>	409

IN MEMORIAM

Nigel F. Palmer <i>Ganina N.A.</i>	419
N. Zemon Davis <i>Uvarov P. Yu.</i>	428
E. Le Roy Ladurie <i>Yatsyk S.A.</i>	446

LIST OF THE AUTHORS

ABSTRACTS

«Как жил, кого любил, кому руки не подал»: К вопросу об этических оценках поведения студентов исторического факультета МГУ начала 40-х годов XX века

Левинсон К.А.

DOI 10.32608/1607-6184-2023-31-2-12

Аннотация: В статье на материале мемуаров выпускников исторического факультета Московского государственного университета имени Ломоносова рассматривается специфический этос, характерный для этой субкультуры во второй половине 1930-х и первой половине 1940-х годов. Этот этос автор описывает как комплексный, включающий в себя академический этос, политический (или гражданский) и этос межчеловеческих отношений. Анализ источников показывает, что зачастую эти три элемента не были разделены в этических представлениях и дискурсе студентов. Такой синкретизм этоса сближает их с дореволюционной либеральной российской интеллигенцией, хотя политическая ориентация этих двух групп была различна.

Ключевые слова: университетская история, исторический факультет, Московский государственный университет, университетский этос, история советского студенчества.

Исторический факультет Московского государственного университета, восстановленный в 1934 году, за несколько предвоенных и военных лет дал не только профессиональную выучку большому количеству будущих ученых, дипломатов, преподавателей, публицистов и общественных деятелей. Он сразу стал средой тесного, ин-

тенсивного, эмоционально нагруженного и рефлексивного общения взрослеющих юношей и девушек. Не все, но многие из них весьма сознательно и ответственно относились к своему поведению, но и за поведением своих однокашников наблюдали внимательно, оценивая и с готовностью к высказыванию собственного мнения, причем с самой разной степенью публичности — от не предназначенного для чужих глаз дневника или душевного разговора до выступлений на факультетских или общеуниверситетских собраниях и публикаций в прессе. Рефлексия эта могла иметь место как непосредственно в момент событий, так и по свежим следам, и спустя время, в том числе очень длительное, измеряемое десятилетиями. Об этом писал в 1940 году истфаковский студент, поэт Николай Майоров, погибший на фронте в 1942 году¹:

Как жил, кого любил, кому руки не подал,
С кем дружбу вёл и должен был кому —
Узнают всё,
Раскроют все комоды,
Разложат дни твои по одному

Благодаря тому, что в этой среде было принято свое и чужое поведение обдумывать и обсуждать, а эти размышления и обсуждения записывать, у историков последующих поколений имеется в распоряжении значительное количество письменных свидетельств, позволяющих изучать осуществлявшуюся с разной дистанции рефлексия истфаковцев предвоенной поры, в том числе и на предмет их этических представлений. В данной статье будет впервые в историографии предпринята попытка выяснить, каковы были характерные черты этих этических представлений. Можно ли выявить какие-то признаки, объединяющие их?² При поиске ответа на этот вопрос будет применено понятие этоса как комплекса взаимосвязан-

¹ Майоров Николай Петрович (1919, с. Тхучи Симбирской губ. — 1942, в Смоленской обл.). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Красноармеец 1106-го стрелкового полка 331-й стрелковой дивизии. Автор стихов. О нем см. *Логвинова Л.* Здесь и далее примечания с персоналиями основаны на примечаниях в публикациях *Максакова Л.В.* 2005: 49 — 78; *Антонова, Богданов.* 2009; и *Антонова.* 2014.

² Задача выявить отличия от студенчества других вузов или других периодов является, конечно, не менее важной, но в рамках данной статьи не ставится. Она должна стать предметом отдельного, гораздо более обширного исследования.

ных представлений о должном и не должном поведении (поведении в самом широком смысле, включающем и мысли, и высказывания, и практические шаги или их последовательности, и бездействие) человека, выступающего в определенной социальной роли.

Такое понимание этоса часто встречается не только и не столько в исследовательской, но даже чаще в нормативной литературе: беглый просмотр каталогов сразу выдаст книги и статьи по «этосу учителя»³, «этосу юриста»⁴, «этосу ученого»⁵, «женскому этосу»⁶, «этосу любящего супруга-христианина»⁷, «этосу интеллектуала»⁸, «этосу коммуниста»⁹, «этосу немецкого десантника»¹⁰ и т.п. В них описываются действующие в тех или иных современных культурах и субкультурах конвенции относительно того, как следует или не следует вести себя людям, когда они выступают в названных социальных ролях. Степень специфичности этоса той или иной роли может быть разной, но именно ее существование и служит главным отличием ролевого *этоса* от *этики*, которая трактует вопросы о том, каково правильное и неправильное поведение для всех людей. Разумеется, один и тот же человек может в разные моменты и даже одновременно исполнять несколько социальных ролей, и если они предъявляют к его поведению несовпадающие специфические требования, то он оказывается перед лицом сложной коллизии и вынужден делать выбор.

В настоящей статье будет предпринята попытка реконструировать такие представления и взаимоотношения между ними на основе не нормативных, а дескриптивных источников, причем отражающих не только и не столько конвенции, существующие и действующие надличностно, сколько разные индивидуальные представления о них, которые в чем-то совпадают, а в чем-то расходятся друг с другом. Несовпадение таких представлений могло приводить к очень ярко эмоционально окрашенным конфликтным ситуациям, которые

³См.: Oser, Heinrichs, Bauer et al. 2021; Schärer, Zutavern. 2018.

⁴Скорее дескриптивное, нежели прескриптивное толкование этоса юриста см.: Kirchhof. 2012: 151-156.

⁵Ср.: Kulikov. 2019: 1-21; Weingart. 2010: 13-17.

⁶Hilder. 2012.

⁷Wonka. 2009.

⁸Например: Quack. 2020.

⁹Cârlan. 67-87.

¹⁰Roth. 2010.

именно потому и заняли важное место в письменных текстах, созданных причастными к этим конфликтам лицами и сохраненных ими и их потомками — к счастью для историков. Едва ли стоит специально говорить о том, что и между представлениями историка и представлениями героев его исследования об этосе той или иной социальной роли могут существовать различия, и зачастую именно они, бросаясь в глаза, помогают лучшему осознанию специфики изучаемого предмета.

Для реконструкции будут использованы источники, возникшие в разное время: одни из них отражают поведение и рефлексию участников событий почти «в режиме реального времени», и обращены они зачастую к другим участникам тех же событий или тех же отношений. Другие источники являют нам воспоминания и оценки, высказанные долгое или недолгое время спустя после описываемых в них событий, когда человек уже находился в иной ситуации, смотрел на пережитое с некоторой дистанции, сквозь призму приобретенного нового жизненного опыта и — в случае мемуаров — обращал свой рассказ к аудитории, не участвовавшей в тех событиях и межчеловеческих сетях отношений, а зачастую имеющей уже и иные представления об этосе той или иной социальной роли. Этим обуславливаются некоторые различия в рассказах: мы видим порой рефлексию авторов по поводу изменившихся реалий и представлений — как своих, так и чужих. Но в каких-то случаях даже многие годы спустя мемуаристы сохраняют верность своим прежним этическим представлениям или, по крайней мере, ведут свой рассказ так, что создается впечатление континуитета.

Хотя, как уже сказано выше, количество тех социальных ролей, в которых человек выступает одновременно или последовательно, может быть велико, для настоящего исследования в эвристических целях выделяется четыре таких роли и соответствующих им этоса: это роль студента — соответствующий ей этос называется здесь «академическим» или «научно-учебным», роль советского человека / комсомольца / коммуниста — ей отвечает этос, определяемый как «идейно-политический», роль друга / однокашника / родственника / товарища по работе, которой соответствует «этос межличностных, или межчеловеческих, отношений», и роль патриота, которой в условиях Второй мировой войны соответствует «военно-патриотический» этос. Рассказы истфаковцев о поведении

людей нередко сопровождаются эксплицитными указаниями на ту норму, которую герой описываемого эпизода соблюдает или нарушает, хотя этим нормам обычно не дается ни общей характеристики («этическая», «нравственная», «моральная» и т.п.), ни тем более привязки к одному из вышеназванных четырех типов. Но все же время от времени такое встречается, а кроме того отнесение нормы к тому или иному этосу и вообще к разряду этических (в отличие от юридических, например) в большой мере опирается на семантику понятий, которая сохранилась за истекшие 80 лет в малоизмененном виде или, в отдельных случаях, претерпела изменения, но при этом прежние значения и коннотации, характерные для начала 40-х годов, еще хорошо известны из литературы или личного опыта, семейной и социальной памяти.

Разумеется, мы не можем рассчитывать на то, чтобы реконструировать в полной мере тот комплекс норм, которым наполнялся каждый из выделенных этосов в представлении каждого из упоминаемых действующих лиц. На имеющемся в нашем распоряжении эмпирическом материале можно выявить скорее отдельные элементы подобных комплексов. Это позволит очертить, хотя бы пунктиром, поле возможного, хотя и не даст оснований для широких обобщений или для уверенного исключения тех или иных вариантов из числа возможных. Остается надеяться, что будущие студии добавят к первой вылазке на неосвоенную территорию больше эмпирических данных и теоретического инструментария для их анализа.

В качестве источниковой базы представляемого здесь небольшого исследования будут использованы опубликованные и неопуб-

ликованные мемуары¹¹ и письма¹² студентов исторического факультета МГУ предвоенных годов поступления. Поскольку публикации источников, имеющиеся на сегодняшний день, в значительной мере посвящены военному опыту истфаковцев, хронологические рамки данного исследования будут ограничены началом 1940-х годов.

Истфаковцы, чьи воспоминания легли в основу настоящей статьи, рассказывая много лет спустя о событиях своей юности, склонны осмыслять и оценивать собственное и чужое поведение именно с точки зрения его соответствия или не соответствия неким представлениям о должном. Но, если верить их многочисленным ремаркам, подобный подход был характерен для них и в момент действия. Так, рассказывая в 80-е годы о том, как он в свое время выбрал место учебы, Георгий Ильич Левинсон¹³ говорит:

¹¹ Главными источниками являются: устные воспоминания Георгия Ильича (для близких — Юры) Левинсона, записанные на магнитофонную пленку во второй половине 80-х годов, транскрибированные и подвергнутые незначительной стилистической и композиционной редактуре в течение 2000 — 2020-х годов (они хранятся в домашнем архиве потомков мемуариста), а также устные воспоминания Серафимы Ивановны Антоновой, записанные на магнитофонную пленку в конце 1990-х — начале 2000-х годов, по ее настоянию значительно отредактированные в стилистическом и композиционном плане (опубликованы в 2014 г.). Привлекались также воспоминания истфаковцев, написанные в виде биографических очерков или ответов на вопросы анкеты для Комнаты боевой славы факультета в разные годы (опубликованы в 2009 г.), и мемуары Михаила Григорьевича Рабиновича, писавшиеся им в разные годы между концом 1960-х и серединой 1980-х гг. «в стол», а затем опубликованные в 2005 г., уже после кончины мемуариста.

¹² Естественно предположить, что важным источником могли бы стать дневники, однако опубликованный на сайте prozhitо.org дневник Ирины Мартиновны Дажинной, учившейся на истфаке МГУ в исследуемый период, релевантной информации содержит крайне мало, а обнаружить другие пока не удалось.

¹³ Левинсон Георгий Ильич (1918, Москва — 1988, Москва). Родился в семье известного адвоката. В 1936 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Из-за болезни пропустил год, затем восстановился на четвертом курсе. В 1941 — 1946 гг. заведовал Дальневосточным отделом Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). После войны — доктор исторических наук, член КПСС. С 1950 г. работал в Институте востоковедения АН СССР (с 1957 ст.н.с.). Автор свыше 220 научных работ по новейшей истории, международным отношениям, социально-экономическим проблемам стран Юго-Восточной Азии, в особенности по истории Филиппин. О нем см.: *Агаджанян*.108-110.

Я хотел быть искусствоведом. Это то, что мне хотелось, то, что мне было по душе. Но я совершенно сознательно и твердо выбрал истфак. Не по велению сердца, а по велению чувства долга. Я считал, что я должен идти туда. Это, наверное, смешно и наивно, но я считал, что выполнить свой долг по какому-то соучастию в мировой пролетарской революции я смогу только, если я закончу истфак и буду знать всё об этом деле, и буду в этом деле мастак и специалист¹⁴.

Итак, мы видим, что мотивация абитуриента носила этический характер: юноша сделал то, что он считал должным. И этот этический долг предполагал в данном случае две вещи: участие в мировой революции и обучение на историческом факультете. Таким образом, рассказ о студенческом периоде жизни мемуариста с самого начала являет нам единство идейно-политического и учебного долга.

В университете у Юры Левинсона появилось много новых друзей, но главным его другом был бывший одноклассник Юра Каминский, который поступил на истфак со второй попытки, годом позже¹⁵. Вместе они входили в дружескую компанию, состоявшую из 6-8 человек, обучавшихся в различных вузах¹⁶, и, говоря о своей

¹⁴Цитаты из воспоминаний Г.И. Левинсона здесь и далее даются по транскрипту, доступному на сайте проекта «Прожито». URL: <https://prozhit.o.org/memories?diaries=%5B9919%5D> (дата обращения: 12.11.2023).

¹⁵Каминский Юрий Ильич (1918, Харьков — 15.8.1942 г., д. Хопилово Смоленской обл.). В юности ушел из родительской семьи и жил с дедом и бабушкой — Феликсом Яковлевичем Коном, революционером с начала XX в., членом Польревкома, одним из организаторов МОПРа, функционером ИККИ и Наркомпроса, и Христиной Григорьевной, ур. Гринберг — тоже революционеркой, народницей, членом партии «Народная воля». В 1937 г. Ю. Каминский поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ, кандидат в члены ВКП(б). Ушел добровольцем на фронт. В апреле 1942 г. был замполитрука в артиллерийской батарее 222-й стрелковой дивизии Калининского фронта и членом полкового бюро комсомола, затем членом ВКП(б). Муж студентки этого же курса Т.Д. Полонской. Погиб на фронте.

¹⁶Из тех, кого мемуарист упоминает поименно, он сам, Иван Чесноков и Юра Каминский учились на историческом факультете МГУ, Давид Дубинский — в рисовальной студии К. П. Чемко, затем в МГАХИ имени В.И. Сурикова, о Геннадии Карпове сведений найти не удалось. Ниже будет упомянут еще один член этой компании, тоже студент истфака.

учебе в университете и о семинарах, в которых он занимался, мемуарист — для читателя внезапно, а для самого себя явно в полном соответствии с логическим ходом воспоминания — вставляет воспоминание о том, как друзья после их встреч на руках поднимали его, страдавшего проблемами с сердцем, по лестнице на 4 этаж, когда не работал лифт:

И тут я просто не могу не вспомнить всех своих ребят [. . .] ребята меня на руках поднимали на наш этаж, где наша квартира. Делали так-так [показывает «замок» из четырех рук], несли вдвоём, потом сменялись. Додик [Дубинский], Генка Карпов, Юрка [Каминский], все ребята. Это было необыкновенно. Да.

Этот пассаж о помощи друзей в аудиозаписи отличается взволнованным тоном голоса, свидетельствующим о том, что Георгий Ильич сохранил неослабевающую благодарность им и высокую оценку их действий с точки зрения этоса межчеловеческих отношений. Слова о них ему показалось необходимым включить именно в рассказ об учебе, хотя не все члены компании учились вместе.

Более сложную эмоциональную окраску, заметную и в лексике, и в интонации, несет рассказ об эпизоде, который, с одной стороны, был типичен для этой дружеской компании, в том числе и в первую очередь для истфаковцев среди ее членов, а с другой стороны, едва не обернулся для молодых людей трагедией.

В начале рассказа действующие лица и их развлечения описываются скорее в положительном, хотя и снисходительном тоне: «Это была такая компания бесшабашных острословов. Время проводили за балагурством, играли в карты, болели за Динамо, шатались по разным домам, знакомым и незнакомым, обожали разные розыгрыши». В начале рассказа кажется, что речь идет об одном из таких розыгрышей, а ключевой фигурой в нем выступает Иван Чесноков — однокурсник автора по истфаку, «очень интересный, очень яркий, оригинальный парень», остроумный и талантливый¹⁷.

¹⁷Чесноков Иван Федорович (1918, с. Пылково Саратовской губ. — 1941). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В начале войны вступил в ряды народного ополчения. Пропал без вести в декабре 1941 г. в звании рядового.

Я расскажу об одном [...] пустячном розыгрыше, который имел, однако, непустячные последствия. Он возник совершенно спонтанно. Пришли компанией в какой-то незнакомый дом. Был, видимо, какой-то предварительный сговор, но сговор в последнюю секунду, на лестничной площадке. Это Иван Чесноков придумал. Входят, начинают знакомиться. Он протягивает руку и представляется: «Панков. Очень приятно. Геннадий Панков». Следующий: «Панков». И третий говорит: «Панков». «Позвольте, вы что, братья?» «Да, мы братья». И так все, сколько нас там было, шесть человек, все назвали Панковыми. Абсолютно разные — евреи, русские. Я не помню, сколько это продолжалось, и продолжалось ли это сколько-нибудь вообще. Все похихикали, разошлись. Но с этого дня все ребята этой компании друг друга стали называть Панковыми: «Брат Панков». И уже потом это стало разворачиваться в игру. Стали придумывать каждому из них имя: Терентий, Иннокентий, Теймураз, Автандил — все такие имена — Панков. Юра Каминский назвал себя Ипполит Панков, или, сокращённо, Полит Панков, что ему очень нравилось. Вот его студенческий [билет], на котором написано — Полит Панков. Его рукой написано. (...)

Слово «полит» оказывается маркером поворота в ходе повествования: в следующей же фразе мемуарист, сказав, «так мы веселились», переходит к рассказу о том, как стала проявляться «какая-то нарастающая граница между одной группой и другой группой внутри этого панковского братства», а различались эти группы именно своими идейно-политическими позициями:

был очень циничен, был полным нигилистом в политическом плане. Он считал, что у нас у всех задуренные башки. «Всё это красивые слова, в которые вы верите». Он не то, чтобы там о мировой революции, он не читал ни Ленина, ни Маркса. Это была большая редкость, особенно по тем временам. «Всё это ерундистика вообще». И были ребята, которые за ним тянулись. [...] (Иван Чесноков при всех своих дарованиях)

Другую группу представляли Юра Каминский, его подруга и будущая жена Тамара Полонская¹⁸ и сам Юра Левинсон: эти люди искренне верили в коммунистическую идею и в мировую революцию, и — хотя не без частных ограничений — в правоту и гениальность коммунистической партии, возглавляемой Сталиным. Они «не хотели уступать этой своей веры в так называемые большие слова». Рассказывая об этом в перестроечные годы, мемуарист, прошедший с тех пор значительную идейную эволюцию и уже не веривший ни в скоро грядущее построение коммунизма, ни в возможность или необходимость мировой революции, ни в непогрешимость коммунистической партии и ее вождей, судя по интонации, все равно сохранил убежденность в том, что правота была тогда на стороне его группы, а не на стороне группы Чеснокова¹⁹. Впрочем, этические оценки в этих пассажах звучат не явно, а скорее намеком, в коннотациях слов «циничен», «вера», «не читал» и т.п.

О том, какой «большой редкостью по тем временам» был тип аполитичного и не верящего в коммунистические идеалы и лозунги студента-истфаковца, представленный в этом рассказе первой из двух упомянутых групп, с Иваном Чесноковым во главе, можно судить и по мемуарам других бывших студентов этого же курса. Так, Лидия Максакова писала об истфаковцах обобщенно, как о части военного поколения: «История совершалась на их глазах, и они исключали всякую мысль о неучастии в ней. [...] Сама атмосфера факультета способствовала формированию личности»²⁰, явно имея в виду, что «личность» не была и не могла быть нигилистичной, циничной или аполитичной. Другой однокурсник этих ребят, Михаил Гефтер²¹, также распространял свою оценку на всё поколе-

¹⁸Полонская Тамара Давыдовна (1919, Кривой Рог — после 1980, Москва). Поступила на исторический факультет в 1937 г. С осени 1941 г. — медсестра в Кировском военно-морском госпитале. С сентября 1942 г. работала в Ленинграде, затем воевала в составе Ладужской военной флотилии. Участвовала в десанте по захвату левого бережья Невы в районе Невской Дубровки, затем работала в Новоладожском военно-морском госпитале и в Кировском госпитале. Демобилизована в 1944 г. в звании старшины I статьи. О ней см.: *Антонова, Богданов*. 2009: 214-216.

¹⁹Если бы Георгий Ильич дожил до 1991 года, он, вероятно, должен был бы признать, что исторически «нигилизм» оказался более провидческим; в 1987 году еще можно было считать, что социализм не рухнет, а реформируется.

²⁰[Максакова]. 2005. 49-78.

²¹Гефтер Михаил Яковлевич (1918, Симферополь — 1995, Москва) — в 1936 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы

ние: «Это поколение роднила полнота ощущения собственных сил, чистота побуждений [...] В момент испытания на разрыв — рождается поступок, творится подвиг, не с экзальтацией в основе, а с осознанием долга, исключаящим бегство от ответственности»²². При интерпретации подобных высказываний надо, впрочем, иметь в виду их контекст: эти слова написаны о военном времени, а с первого дня Великой Отечественной войны поведение многих истфаковцев, не только членов ВЛКСМ, стало определяться — помимо или, точнее, поверх этосов дружбы, идеологии и науки — военно-патриотическим этосом. Что бы ни говорил Иван Чесноков о социализме в мирное время, «в момент испытания» он записался, подобно другим, в московское народное ополчение, где вскоре и погиб.

Трещина, разделявшая братство, была, как отметил Г.И. Левинсон, снаружи незаметна. Не видела ее и Серафима Ивановна Антонова²³ — или, во всяком случае, не вспомнила о ней, когда надиктовывала много лет спустя свои мемуары под красноречивым названием «Воспоминания советского человека»:

Можно еще вспомнить группу парней, в которой были Слава Лавров²⁴, Юра Каминский, Иван Чесноков. Группа имела аристократический налет. [...] Обычно они си-

— член ВЛКСМ, с 1943 г. член ВКП(б). В 1940 — комсорг истфака. Специализировался по кафедре истории СССР. 26 июня 1941 г. на заседании комитета комсомола был назначен комсоргом сводного батальона студентов исторического и механико-математического факультетов, направленного на строительство противотанковых рубежей на дальних подступах к Москве. С октября 1941 г. — доброволец, воевал в составе Отдельного истребительного батальона Красной Пресни, затем — в 8-м полку московских рабочих. Был ранен. В 1945 г. — консультант отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, с 1946 г. — зав. отделом журнала «Молодой большевик». В 1950 — 1976 гг. — научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1967 — 1970 гг. — создатель и зав. сектором методологии истории. В 1977 — 1981 гг. — один из основателей и авторов диссидентского журнала «Поиск». С 1992 г. — президент научно-просветительского центра «Холокост». М.Я. Гефтеру посвящен сайт gefter.ru.

²²Гефтер. 1995: 7.

²³Антонова Серафима Ивановна (1909 — 2007, г. Москва) — Историк русско-го пролетариата, источниковед, преподаватель исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ветеран Великой Отечественной войны, заведовала Комнатой боевой славы истфака, где собрала значительную коллекцию анкетных, эпистолярных, мемуарных, документальных, фотографических и прочих свидетельств бывших студентов и преподавателей факультета.

²⁴Лавров Ростислав Александрович (1920, Устюг Вологодской губ. — 1989, Москва). Родился в семье учителей. В 1937 г. поступил на исторический фа-

дели в самом конце аудитории, наверное, слушали не все лекции, что-то сочиняли между собой. Разговоры у них были сугубо личные. Ребята не то чтобы были шалопаями, нет, но каким-то снобизмом их поведение определенно отдавало. Правда, иногда проскальзывало что-то остроумное, но чаще просто озоровали. Однако в конце концов ребята проявили себя во время войны (повторюсь: война расставила все на свои места). Юра Каминский и Ваня Чесноков погибли в ополчении. Слава Лавров всю войну провел на фронте, был награжден многими медалями [...]²⁵.

Здесь мы вновь видим характерный синкретизм идеологических, академических и личностных характеристик на негативном полюсе — «аристократизм», «шалопаиство», «снобизм», «озорство», «слушали не все лекции», «сугубо личные разговоры». Под «палетом аристократизма» Антонова едва ли могла понимать дворянскую утонченность манер или любовь к роскоши: наверняка она знала, что никто из упомянутых ею ребят не относился ни к дореволюционной, ни к советской аристократии. О Юре Каминском его друг сообщает, что тот жил у своих бабушки и дедушки — старых революционеров — в отдельной квартире в Доме правительства, среди высшей советской номенклатуры, однако вся меблировка его комнаты состояла из письменного стола и двух стульев. Спал он, как Рахметов, на полу, книги лежали на полу и на подоконнике. Стены были голые. Это соответствовало тому представлению о потребностях, которые сложились в семье его родных: проведя много лет в царских тюрьмах, в ссылке и на каторге, они привыкли обходиться минимумом вещей. Но у Юрия не просто отсутствовала привычка к материальному достатку: он испытывал к нему неприязнь, причем идейно обоснованную. Так, увидев установленные на кремлевских башнях звезды, сверкавшие рубинами и золотом, он, по

культет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Летом 1941 г. работал на строительстве оборонительных рубежей в районе Брянска. Учился в Львовском пехотном училище, с 1943 — в действующей армии. Был командиром пулеметного взвода, с 1944 — помощником начальника штаба стрелковой дивизии. Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны 2-й степени. Войну закончил в звании подполковника. После войны — зам. руководителя Центрального партийного архива ИМЭЛ, затем работал в ЦК КПСС.

²⁵ Антонова. 2014: 147.

воспоминаниям Левинсона, сказал ему и другим друзьям, шедшим рядом с ним: «Это же термидор!». Впрочем, Серафима Антонова не входила в круг его друзей и могла не знать всего этого, но вероятнее всего под «аристократизмом» и «снобизмом» она понимала одно и то же — высокомерие, противопоставление себя коллективу, которое, как и легкомысленное поведение, противоречило ее этическому идеалу студента-комсомольца²⁶.

На позитивном полюсе (после «однако») вышеприведенному списку противопоставлено в качестве общей групповой характеристики следование военно-патриотическому этосу, после чего добавлены более индивидуальные положительные: Лаврову мемуаристка ставит в заслугу то, что он после войны долгое время работал в Институте марксизма-ленинизма, о Чеснокове одобрительно сообщает, что он еще до войны женился на однокурснице, к Каминскому же, сообщает Антонова, «мы относились, несмотря на то, что он совершал иногда исподтишка озорные выходки, хорошо. Он был племянником нашего любимого профессора политэкономии Александра Феликсовича Кона» и к тому же, как Серафима Ивановна узнала много позже, «был поэтом». О Левинсоне она не упоминает как о члене этой группы, но сообщает, что он был близким другом Каминского²⁷.

²⁶ Антонова. 2014: 148. Можно предположить, что речь шла и об «интеллектуальном аристократизме», т.е. что, по своему мнению или по мнению С. Антоновой, эти ребята возвышались над остальными по уровню знаний или мыслительных способностей. Но такое предположение кажется менее вероятным в свете того, что сообщает Г.И. Левинсон: о своих товарищах по этой компании он нигде ничего подобного не говорит, тогда как об однокурсниках, с которыми он учился в первые годы, до академического отпуска (после которого он восстановился и попал на тот курс, где учились Каминский, Чесноков и Антонова), он рассказывает, что те «были в массе своей такие пижоны-эрудиты, очень друг перед другом изгалявшиеся своими невероятнейшими знаниями и, видимо, с фантастической памятью: один мог назвать [...] десять городов на Мадагаскаре [...]. Другой мог перечислить всех французских королей с XVII века до последнего. Лёва Менделевич мог полтора-два часа подряд на память читать Маяковского. [...] одна девочка [...] знала «Капитал» Маркса так, что открывали страницу и читали начало абзаца, а она говорила продолжение текста». Левинсон. 1987.

²⁷ Левинсон. 1987. Эта близкая дружба, судя по интонации рассказа, вызывает у С.И. Антоновой как заведующей Комнатой боевой славы истфака МГУ амбивалентные чувства: она говорит о ней в связи с тем, что Г.И. Левинсон отказался передать в Комнату боевой славы хранившиеся у него письма Ю.И. Каминского, присланные из ополчения и описывающие фронтной быт лета 1941 года. С одной стороны, рассказчица сожалеет, что, невзирая на ее настоя-

Возвращаясь к воспоминаниям Г.И. Левинсона об «озорной выходке» в канун войны, мы не можем не задаться вопросом: неужели ребята, образовавшие «братство Панковых», не замечали, что творится вокруг, и не подумали о том, что какая бы то ни было организация кроме ВЛКСМ сразу будет расценена как нечто крамольное? По словам мемуариста, он «только позже понял» то, что, глядя из будущего, представляется очевидным, а тогда самим членам «братства», по его словам, не приходило в голову: «Это было, конечно, безумием, потому что [создание] какой бы то ни было, пусть самой невинной, [...] организации, по тем временам совершенно явно грозило решеткой», но Панковы «ничего не боялись, потому что мы знали, что мы невинны, что мы не замыслиаем никаких злодейских дел против советской власти. Но одно дело то, что думаем мы, а другое дело то, что думает НКВД». Поскольку члены шуточного братства свои прозвища и «все эти игры» ни от кого не скрывали, о существовании Панковых знал весь истфак, и напрашивается предположение, что очень скоро на них должен был кто-то (а может быть и не один) донести. Однако арестов не последовало, и решающую роль в этом мемуарист отводит поступку одного из членов братства, который, как Левинсон случайно узнал от своего отца — видного московского адвоката, — был осведомителем. В этом пассаже этическая оценка проявляется весьма ярко:

Мы, в общем-то, должны этому, потом убитому на фронте, Лёле Старушенко²⁸ низко поклониться. Потому что он, находясь внутри или посланный внутрь этой, с позволения сказать, организации, ничего не позволил себе выдумать. Что, от него, строго говоря, требовалось. От него ожидалось, что он придет и скажет: «А они, между прочим, ведут такие-то и такие-то антисоветские разговоры». И он бы за это получил [награду]. А он не позволил себе ни соврать, ни сделать какой-то карьеры на том, чтобы нас утопить. По тем временам — да как хотите, по любому счету — это большая нравственная заслуга. Он просто нас — шесть или восемь человек — этой сво-

чивые просьбы, эта, «должно быть, очень интересная переписка» не попала в коллекцию руководимого ею музея, с другой стороны, — с пониманием относится к тому, что «она носила интимный характер, и Левинсон не захотел, чтобы письма были обнародованы». Антонова. 2014: 148.

²⁸ Сведений о нем найти не удалось.

ей стукаческой честностью спас от тюрьмы. И никого не посадили. Ему нечего было выдавать. Но он имел возможность сделать то, что делали в таких случаях все остальные, множество стукачей, которые просто выдумывали материал. Он же ничего не выдумал. Поэтому нас не тронули органы.

Перед нами один из очень немногочисленных случаев в этих мемуарах — и единственный относящийся к университетской жизни автора случай, — когда Г.И. Левинсон дает эксплицитную нравственную оценку поступку человека. Текст не дает возможности установить, была ли эта оценка вынесена сразу, в момент событий, или позже, ретроспективно. Старушенко больше на страницах мемуаров не фигурирует, так что мы не знаем ничего и о том, обсуждали ли тогда «братья Панковы» с ним или между собой его молчание. Вероятнее всего нет, потому что подобный разговор потребовал бы раскрытия источника информации о его работе осведомителем, а это, в свою очередь, навлекло бы неприятности на И.М. Левинсона, который не имел права разглашать подобные сведения и нарушил правила адвокатской профессиональной этики во имя интересов безопасности сына и, опосредованно, всей своей семьи.

Возможно, Старушенко был не единственным, кто совершил такой нравственный поступок и промолчал: на истфаке могли быть другие осведомители, нарушившие свои обязательства перед НКВД и воздержавшиеся от придумывания чего-либо такого, на основании чего «братьев»-шутников арестовали бы. Но о них мы ничего не знаем: ни о деле «братства Панковых», ни о доносителях среди истфаковцев остальные рассмотренные нами источники ничего не сообщают.

Арестован не был никто из участников шутки, но некоторые репрессии все же были. По доносу или по собственным наблюдениям на «братство Панковых» обратил внимание комитет ВЛКСМ истфака, и на заседании этого комитета разбиралось персональное дело «братьев». Обвиняли их не в контрреволюционном заговоре, а всего лишь в «отрыве от комсомольской организации», что не грозило осуждением по 58 статье УК, но все же могло стать основанием для строгих взысканий вплоть до исключения из комсомола, что, по словам Левинсона, стало бы «потрясающим ударом [...] для нас

всех». Персональная ответственность за «отрыв» была возложена прежде всего на И. Чеснокова и Ю. Каминского. Первый, как сказано выше, был автором затеи; относительно же второго из текста мемуаров нельзя однозначно вывести никакого объяснения, почему именно он был назначен вторым главным виновником. Возможно, дело было в том, что он, будучи лидером одной из групп, на которые распадалось братство, инициировал и организовывал многие сборища, шутки, розыгрыши и т.п.

Как вспоминает Г.И. Левинсон, не присутствовавший на том заседании²⁹, много лет спустя М.Я. Гефтер, который тогда был секретарем курсового бюро, рассказал ему, что, разобравшись с этим делом, он пришел к выводу, что в нем «никакого политического криминала нет», а есть «элементы аполитичности» и «некоторого отрыва от комсомольской организации, но не более того». Поэтому кончилось всё минимальными взысканиями: «поставить на вид. . .» или даже «указать на. . .». Однако решение было вынесено лишь когда обвиняемые прошли через то, что современный антрополог А.С. Титков описал как «ритуал вины и позора»³⁰. Под этим он понимает процедуру, в ходе которой человека или группу назначают и заставляют признать себя связанными с некой отрицательной ценностью (в данном случае — с нарушением лояльности ВЛКСМ) и заставляют, публично выслушивая порицания и произнося слова покаяния и извинения, испытать эмоциональный дискомфорт; эти нравственные страдания, а не обещание исправиться, собственно, и служат мягким (по сравнению, например, с исключением из комсомола и/или из университета, или тем более с уголовным наказанием) механизмом как частной, так и общей превенции. В данном случае публичность была ограниченной в количественном смысле — дело разбиралось не на общем собрании комсомольской организации факультета, — но достаточно серьезной в качественном: комитет ВЛКСМ обладал для героев описываемой истории весьма высоким политическим и моральным авторитетом.

Сценарий этого ритуала предусматривал «признание своих ошибок». Каминский, как он сам поведал потом Левинсону, в своем

²⁹Из-за болезни Г.И. Левинсон находился в академическом отпуске и формально не состоял в комсомольской организации истфака, хотя и приходил на занятия.

³⁰Титков. 2016: 155.

выступлении на этом заседании комитета комсомола сказал, что он сожалеет о том, как проводили время Панковы: «Мы время тратили попусту. У нас много важных дел и задач, а мы время тратили попусту». Не более того. «Но, всё-таки, это было своего рода раскаяние», — говорит мемуарист, излагая, как становится ясно из последующего, не только свою собственную интерпретацию. Это раскаяние привело к тому, что выглядит этической коллизией: с одной стороны, признав неправоту, причем не только свою, но и остальных (т.к. он говорил «мы»), Юра Каминский по отношению к комсомолу и к собственным идейно-политическим убеждениям поступил, как ему казалось, честно и правильно: самокритика в ВЛКСМ в то время не просто поощрялась, а требовалась даже от тех, кто не был обвинен в каком-либо проступке. С другой стороны, он столкнулся с упреком в нарушении этоса дружбы: Иван Чесноков его, как сообщает Г.И. Левинсон, за эту фразу «обвинил в предательстве, и произошёл разрыв между ними. Соответственно, всё распалось. [...] И разошлись непримиримо».

Как рассказывает Г.И. Левинсон, позже выяснилось, что «панковское дело» было пережито Юрой Каминским значительно тяжелее, чем его другу казалось тогда: «явно грозившая опасность превращения этого дела в политическое и, таким образом, угрожающая всем друзьям» привели его на грань самоубийства. Это, говорит мемуарист, ему стало ясно спустя много лет, когда он случайно обнаружил в студенческой тетради Каминского текст, который, как он убежден, представлял собой предсмертную записку:

Я в последний раз обманул всех и в последний раз ушел от ответственности. Можно подумать, что я нарочно запутал, усложнил все свои дела специально для того, чтобы вы должны были всё расхлебывать. Но, ей-богу, это всё «само». Впрочем, я полагаю, что никто не имеет ко мне особо важных претензий, из числа моих друзей. Завещаю всем Панковым и их союзникам священную войну, неистребимую ненависть к пижонам. Имен их я не называю, но вам они известны. [...] ³¹ Амба, привет от Полита. Ю. Каминский [...] ³².

³¹ В этом месте одно предложение неразборчиво.

³² Далее следует постскрипtum с инструкцией для двух друзей Ю.К., касаю-

Тетрадь сохранилась в домашнем архиве Г.И. Левинсона. Этот текст в ней не датирован, поэтому мы можем лишь гадать, на каком основании мемуарист так уверенно привязывает его именно к событиям, касавшимся «братства Панковых», а не к какой-нибудь другой «озорной выходке», на которые намекает С.И. Антонова и которые, вероятно, дали повод Тамаре Владимировне Равдиной³³ — однокурснице Каминского и близкой подруге его жены — написать в 1980 году: «Героически погиб на войне Юра Каминский, но, составляя его довольно подробную биографию, я рассказала и о его неприятных и нехороших качествах, какие были при жизни»³⁴. Возможно, Левинсон датировал эту записку по косвенным данным, таким как соседние записи, касающиеся учебных предметов (например, встречающееся на той же странице тетради упоминание о крестовых походах могло для студента, посещавшего лекции и семинары вместе с Каминским, послужить указанием на то, когда была сделана запись). А может быть, хорошо зная жизнь своего друга и «всех», Г.И. Левинсон считал, что иного повода для таких слов в то время быть не могло. Не очевидна для не посвященных в контекст и интерпретация самого текста: из него не ясно, что имел Ю. Каминский в виду: думал ли он, как и члены комитета комсомола, что именно на нем лежит ответственность за создание и предосудительную деятельность «братства Панковых», т.е. он упрекал себя в идейно-политическом проступке? Или он обвинял себя за то, что подверг своих друзей риску быть исключенными из комсомола, т.е. за прегрешение против дружбы? Или за то, что он, публично

щейся разбора содержимого ящика его письменного стола.

³³Равдина Тамара Владимировна (1919, Двинск (ныне Даугавпилс в Латвии) — 1991, Москва). В 1937 г. поступила на исторический факультет МГУ как отличница. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Во время войны была медсестрой в госпитале, в маневренной хирургической группе Ладожской военной флотилии, затем — на Балтийском флоте. Войну окончила в звании старшины 1-й статьи. МГУ окончила в 1946 г. С 1949 г. работала в Институте археологии РАН.

³⁴*Равдина Т.В.* Хесин-Лурье Евгений Вениаминович // Антонова, Богданов. 2009: 240-241. Упомянутая биография, впрочем, не была включена Антоновой в сборник — возможно, по соображениям этоса межчеловеческих отношений, требующего даже много лет спустя говорить о погибшем друге «либо хорошо, либо ничего». Ниже мы увидим, что в собственных мемуарах она такого принципа не всегда придерживалась. Это не образует противоречия: этические нормы, даже если человек в принципе не меняет к ним отношения, не во всякой ситуации соблюдаются одинаково. В силу тех или иных сиюминутных причин от них в большей или меньшей мере отступают в том числе и те, кто сурово осуждает подобные отступления.

покаявшись в том, что И. Чеснокову, судя по всему, не казалось достойным покаяния, привел к расколу и прекращению существования братства? Поскольку записка не датирована, мы не знаем, написана ли она до заседания комитета комсомола или после. Г.И. Левинсон интерпретировал ее так:

Его слова «я последний раз обманул всех» значат, что он заварил эту кашу. А потом, когда это превратилось в дело, он счел своим долгом сказать, что «мы попусту теряли время». Что он сожалеет об этом, что это было. То есть как бы втянул всех, а потом сам...

Оборванная фраза позволяет предположить, что мемуарист предпочел избежать произнесения таких слов, которые бы дискредитировали его любимого друга. Он сообщает лишь, что «по чертам характера» тот был на «совершенно способен» на «это», то есть, надо понимать, на самоубийство, причем не из-за того, что собственное поведение представлялось ему серьезным нарушением (причем уже не первым) этоса дружеских отношений, а из-за того, что «исключение из комсомола было [бы] потрясающим ударом для него и для нас всех». Поскольку у нас нет надежных оснований для того, чтобы оспорить эту интерпретацию и эту датировку и настаивать на альтернативных, примем версию, которая представлялась очевидной современнику и свидетелю событий. В таком случае мы делаем вывод, что признанное Ю. Каминским нарушение того этоса, который мы обозначили как идейно-политический, сопровождалось признанным нарушением этоса, который мы обозначили как этос межчеловеческих отношений, и, судя по всему, они воспринимались как связанные воедино, или неразделенные.

О том, что такая связка была закономерной, чтобы не сказать автоматической, свидетельствует и еще один эпизод, описываемый Г.И. Левинсоном сразу вслед за историей «братства Панковых». В нем, как мы увидим, структурно подобный эффект наблюдается на связке «академического» и «идейно-политического» этосов.

В семинаре по новейшей истории Юрий Каминский делал доклад, тема которого касалась Ноябрьской революции 1918 года в Германии. Доклад был основан на таких источниках, как протоколы съездов КПП, материалы немецкой прессы и, в частности, в

нем цитировалась некая статья Розы Люксембург, название которой Г.И. Левинсон не помнил; статья была написана в полемике с оппонентами внутри германской компартии. В цитируемом пассаже, как пересказывает его мемуарист, говорилось, что «у большевиков в 1917 году были Ленин и Троцкий, а у нас [т.е. у германских коммунистов] таких вождей нет». Упоминание Троцкого рядом с Лениным, тем более в качестве вождя революции, а не «обер-бандита», было в СССР в то время уже недопустимо, но добросовестный студент ориентировался на комбинацию двух этических норм: академический этос предписывал цитировать источник без купюр и искажений, а идейно-политический, как понимал его Ю. Каминский, запрещал «редактировать» слова такого авторитетного деятеля, как Роза Люксембург. Она же в 1917 — 1918 годах часто упоминала Ленина и Троцкого в паре, соединяя их имена союзом «и» или даже дефисом. Например, в ее «Рукописи о русской революции» подобное встречается 10 раз. Однако далеко не все ее тексты были на момент подготовки Каминским доклада опубликованы в русском переводе. Поэтому студент, читавший статью в оригинале, попал этическую ловушку. В ситуации, когда были репрессированы или оттеснены от публичной деятельности очень многие старые большевики и другие теоретики социализма и коммунизма, лично общавшиеся с вождями коммунистических партий и знакомые с аутентичными трактовками их идей, а на их место пришли выдвиженцы, зачастую даже плохо знавшие иностранные языки, зато хорошо знавшие, «куда ветер дует» в СССР, в советской исторической науке русские переводы трудов зарубежных классиков марксизма-ленинизма и деятелей коммунистического движения, а иногда и их изложение в «Кратком курсе» истории ВКП(б), стали де-факто считаться более авторитетными, нормативными, чем оригиналы. Поэтому ссылки на последние, особенно когда они расходились с трактовкой, предписываемой на тот момент генеральной линией ВКП(б), рассматривались многими преподавателями и редакторами как неуместные с идейно-политической точки зрения, хотя с академической могли казаться более корректными. Каминский, как выразился в своих воспоминаниях его друг, «как-то не понял, что в те времена не точность цитирования была добродетелью, а были имена, которые просто, как имя дьявола в Средние века, нельзя было произносить». Руководитель семинара (его Г.И. Левинсон снабжает такой характеристикой: «один из первых комсомольцев, [. . .] потерял в Гражданскую войну руку. Безупречной биографии чело-

век»; о его качествах как ученого — ни слова) отнес этот доклад «с этой цитатой, подчёркнутой красным карандашом», в партком. Ситуация была сложная: обвинить Розу Люксембург в троцкизме никто бы не решился, но и не отреагировать на нарушение табу было невозможно. Поэтому партком решил на общее собрание персональное дело Каминского не выносить, учитывая, как выразился мемуарист, «его политически слишком острый характер». Каминского вновь вызвали на закрытое заседание комитета комсомола, где обвинили в «троцкистской контрабанде» и «скрытой форме рекламы и пропаганды врага народа номер один». На этот раз было решено исключить его из комсомола. Мы не знаем, насколько тяжело он воспринял это решение, но во всяком случае он с ним не смирился, а начал, как сообщает Г.И. Левинсон, «в меру возможностей бороться». Исключение не происходило окончательно решением первичной комсомольской организации: после решения факультетского комитета его должен был рассмотреть и утвердить общеуниверситетский комитет ВЛКСМ. Процедура заняла некоторое время, и утверждение состоялось, но Каминский подал апелляцию в районный комитет. Через какое-то время и бюро райкома утвердило исключение. Это была последняя инстанция, до которой разрешалось сохранять на руках комсомольский билет. Дальше, в принципе, можно было обращаться в городской, а затем в Центральный комитет ВЛКСМ и обжаловать там свое исключение, но комсомольский билет полагалось сдать. Однако в этот момент началась война, и в райкоме бывшая студентка и комсорг МГУ Аракса Захарьян³⁵ совершила шаг, который Г.И. Левинсон описывает как «совершенно непозволительный по уставным требованиям», но спасительный для Ю.И. Каминского: она ему перед отъездом на рытье оборонительных сооружений выдала на руки его комсомольский билет и не сообщила никому о его исключении. Продолжая эту же линию, он затем, отправившись в армию, там тоже не сообщил о своем исключении и через несколько месяцев был принят в ВКП(б), стал политработником. Таким образом, перед нами еще одна «связка»: Юрий Каминский поступал согласно требованиям и академического этоса, и идейно-политического (как понимал его он). Поведение

³⁵Захарьян Аракса Бегляровна (1913 — 2003) — в 1941 г. секретарь комитета ВЛКСМ МГУ. Была секретарем вузкома МГУ, членом РК ВЛКСМ. Жена студента исторического факультета МГУ 1937 г. поступления С.И. Прасолова. После войны — доцент кафедры истории СССР советского периода исторического факультета МГУ.

студенческой молодежи того круга, о котором рассказывает Г.И. Левинсон, он описывает — и в тематическом, и в ценностном отношении — через элементы, которые при взгляде «снаружи», особенно в аналитической ретроспективе, представляются элементами трех разных сфер: научно-учебной, идеологически-политической и сферы межлических отношений и связей. Однако в рассказе они непрерывно переплетаются — или, лучше сказать, не разделяются.

Неразделенность норм, п(р)оступков и оценок, относящихся к сферам идейно-политического, академического (а в военное время — и военно-патриотического) этоса и этоса межлического общения, прослеживается отнюдь не только в мемуарах, где авторы выстраивают нарратив о прошлом с большой временной дистанции. Схожие паттерны мы зачастую обнаруживаем и в свидетельствах, возникших по самым свежим следам событий, и в текстах, описывающих темы, актуальные для авторов на момент их создания, — например, в письмах, которыми обменивались истфаковцы во время войны³⁶: в подборке из полусотни таких писем, полученных Лидией Максаковой от однокашников в 1941 — 1945 гг., большинство посланий затрагивают тему верности «истфаковской дружбе» и/или содержат апелляции к этой дружбе при просьбах о помощи, включая не только помощь в розыске друзей или передаче им слов поддержки, но и помощь в реализации намерений, вытекающих из чувства военно-патриотического долга; с сожалением упоминаемая рядом корреспондентов Л.В. Максаковой невозможность помнить старый или осваивать новый учебный материал, работая в тылу или служа в армии, могла бы казаться вполне естественной и простительной, однако во многих случаях авторы писем не только выражают сожаление по ее поводу, но и приводят дополнительные оправдания, очевидно ощущая, что быть истфаковцем даже во время войны значит следовать и академическому этосу студента тоже. В условиях как дефицита места на небольшом пространстве открытки или тетрадного листка, так и дефицита времени (на писание писем у многих, по их словам, не хватало времени, и, учитывая обстоятельства, это скорее всего не риторическая фигура) люди считали необходимым затронуть именно эти темы. Вот типичный пример такого письма, точнее — открытки, посланной Лидии Максаковой 29 августа 1941

³⁶См. *Максакова*. 2005: 52.

г. ее однокашницами Сарой Шапиро³⁷ и Марией Школьник³⁸:

Дорогая Лидушка! Я, конечно, свинья, но все же ты меня прости, что не писала. Кончаем школу медсестер — [...] должна сознаться, что медицина мне не особенно дается, я уже имею несколько «посредственно» - зачеты. Куда потом, точно еще не знаю, как всегда, у меня «миллион терзаний». Ты меня поймешь и не осудишь, хотя, конечно, достойна презрения. . . [...] Лидушка, напиши преподабно о себе, хочу все знать, хорошие ли у тебя ребята, как себя чувствуешь, как настроение. [...] Напиши скорее, пока я в Москве. [...]

Лида, милая! Саренька - вредный, оставила мне так мало места. Ну и этого хватит, чтобы сообщить, что мы (я и еще 9 девушек) едем на фронт в Краснопресненскую дивизию. Привет, Лидочка! Целую. Маруся.

Где Ося³⁹? Будешь писать - привет от меня. Если будешь в Москве, позвони на Истфак или К 1 - 96 - 65, Моделям⁴⁰, у меня телефона нет.

Целую крепко. Твоя Сара⁴¹.

³⁷Шапиро Сара — однокурсница Л. Максаковой, в 1941 г. доброволец. Медсестра военного госпиталя в Москве. В 1942 г. и до конца войны санинструктор снайперского батальона 70-ой армии Центрального и 2-го Белорусского фронтов. После войны музейный работник.

³⁸Школьник Мария — в 1941 г. студентка 3 курса истфака МГУ, доброволец. Медсестра военно-морского госпиталя в г. Кирове. После войны преподаватель ВГИК и Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева.

³⁹Босин Иосиф Гершкович (1918, Киев — июнь 1942 г.) Поступил в МГУ в 1936 году (специализация по кафедре новой истории). Член ВЛКСМ. Однокурсник и жених Л. Максаковой. С начала войны добровольцем был в армии. В апреле 1942 г. окончил курсы военных юристов при Юридической Академии, с мая 1942 г. в звании старшего лейтенанта был направлен на Юго-Западный фронт в качестве военного юриста — военного следователя военной прокуратуры Юго-Западного фронта. Погиб по пути на фронт при бомбежке военного эшелона.

⁴⁰Модель Арон — выпускник истфака 1940 года. С 4 июля 1941 г. командир взвода отдельной мотострелковой дивизии им. Дзержинского, затем политрук роты 70-ой армии Центрального и 2-го Белорусского фронтов, инструктор политуправления 70-ой армии по работе среди войск противника. После войны служил в политуправлении Северной группы войск. В дальнейшем сотрудник издательства "Восточная литература" АН СССР (журнал "Народы Азии и Африки").

⁴¹[Максакова]. 2005: 53.

Но если в таких эпистолярных текстах можно заподозрить простое соседство важных тем, а не отражение внутреннего единства тех этических представлений, которые заставляли авторов их затрагивать, то при описании конфликтных ситуаций в письмах это единство проступает со всей наглядностью. В качестве примера приведем письмо, направленное 20 июня 1944 года Михаилом Гефтером из Москвы на фронт своему однокурснику Борису Тартаковскому. Помимо всего прочего автор рассказывает о недавно прошедшем на истфаке мероприятии и его последствиях:

При тебе еще началась история со студенческим докладом «звезды» неэвакуировавшейся части истфака — Восленского⁴². Сюжет доклада: крах внешней политики Гитлера. Претенциозный набор самых разных отчаянных глупостей, объективно смахивающих в некоторых местах на апологетику, а в целом кустарный образчик либерально-буржуазной критики фашизма в духе «контраверз» нашего общего «сундука» Льва Николаевича [Иванова]⁴³. Сей муж науки, считая себя с некоторых пор непогрешимым, взял доклад под защиту, устроил глупейшую и неприличнейшую сцену на партсобрании и потребовал разбора и расследования. Короче говоря, «дело Восленского» превратилось в «дело Иванова». [...]

⁴²Восленский Михаил Сергеевич (1920, Бердянск — 1997, Бонн). В 1939 г. поступил на исторический факультет МГУ. После окончания университета год работал в Коломенском учительском институте. Затем вернулся в Москву, и в 1945 г. поступил в аспирантуру. В 1946 г. работал переводчиком на Нюрнбергском процессе, затем в союзном контрольном совете по Германии. В 1947 г. вернулся в Москву. В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1953 — 1955 гг. работал во Всемирном Совете мира, затем — н.с. сектора общих проблем империализма Института экономики АН СССР и ученый секретарь Комиссии по разоружению. В 1956 г. перешел в ИМЭМО — сначала в сектор международных отношений, а потом возглавил группу в Отделе информации. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию. Часто выезжал в заграникомандировки по линии АН СССР, Советского комитета защиты мира, Пагуошского комитета. В апреле 1970 г. перешел на работу в ИВИ АН СССР. В 1972 г., находясь в командировке в ФРГ, стал невозвращенцем. В 1976 г. лишен советского гражданства, а в августе 1990 г. восстановлен в нем. О нем см.: *Шмидт*. 2003: 15-16.

⁴³Иванов Лев Николаевич (1903, с. Городище Пензенской губ. — 1957, Москва), специалист по новейшей истории международных отношений. Окончил отделение внешних сношений ФОН в 1923 г., в 1937 г. был утвержден в ученой степени д.э.н. В 1937 — 1949 гг. — профессор исторического факультета МГУ. Академик

тихой сапой мешал работать комиссии Ефимов⁴⁴ (самая премерзкая личность, какую создал творец) [...]. Кончилось все общеуниверситетским партсобранием, на котором им так вложили, что Иванов поспешил уйти из университета, а Ефимов и Зубок⁴⁵ клялись и обещали исправиться⁴⁶.

Здесь перед нами в одном абзаце описание того, как критика научного доклада, нарушающего, по мнению М. Гефтера, нормы научного этиоса, автоматически переходит в критику идейно-политической позиции докладчика и его единомышленников, а также их поведения и их личностей, причем это не только личное мнение автора: сказав о «деле», т.е. о том, что выступления на докладе стали предметом разбирательства по партийной линии, он тут же переходит к описанию ритуала вины и позора (в котором, в силу своего положения в парторганизации МГУ, сам принимал руководящее участие). Компактно не только описание: события, судя по всему, происходили довольно быстро одно за другим.

Но представление о взаимосвязанности норм разных этосов (и их нарушений, и наказаний за таковые), по всей видимости, вполне допускало и вариант развития событий, при котором их единство проявлялось не сразу, а спустя годы. Это едва ли могло бы отразиться в письме, но наглядно видно в длинном, на пять печатных

⁴⁴Ефимов Алексей Владимирович (1896, Баку — 1971, Москва). В годы Гражданской войны участник Белого движения. Затем специалист в области новой и новейшей истории, один из основателей советской американистики, чл. корр. АН СССР, лауреат Гос. премии СССР. В 1934 — 1944 гг. — доц. (затем проф.), а в 1941 — 1943 гг. — декан московской группы исторического факультета МГУ. Одновременно являлся с.н.с. Коммунистической академии (1933 — 1936), ИИ АН СССР (1936 — 1941), где возглавлял сектор новой истории.

⁴⁵Зубок Лев Израилевич (1894, Радомысль — 1967, Ленинград) — советский историк-американист. Доктор исторических наук (1940), профессор (1938). В детстве жил с родителями в эмиграции в США. В 1922 г. окончил Пенсильванский университет. По приглашению Профинтерна в 1924 г. возвратился в СССР. В 1925 году вступил в ВКП(б). В 1924 — 1930 гг. работал заместителем заведующего англо-американским отделом Профинтерна. В 1929 — 1941 годах преподавал в Московском институте философии, литературы и истории. В 1930 — 1949 годах преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). В 1938 — 1949 и с 1957 года старший научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1942 — 1949 годах преподавал на историческом факультете МГУ. В 1948 — 1961 годах преподавал в Институте международных отношений (МГИМО).

⁴⁶ Антонова, Богданов. 2009: 154, 508. Орфография публикации соблюдена.

страниц, мемуарном рассказе С.И. Антоновой о том, как нарушения норм повлекли за собой шлейф последствий из разных этических сфер, растянувшийся примерно на четверть века. Мемуаристка повествует о том, как «некрасиво» вел себя секретарь комитета комсомола истфака, кандидат в члены ВКП(б) Владимир Яковлевич Зевин⁴⁷, сын одного из 26 бакинских комиссаров: незадолго до начала Великой Отечественной войны, когда его брат совершил самоубийство, он не сообщил об этом в парторганизацию, «а сообщить было нужно», и когда об этом стали с ним говорить в парторганизации, он «очень резко отказался отвечать на вопросы». С нашей сегодняшней точки зрения и, судя по всему, с его собственной, этос межчеловеческих отношений позволял или даже требовал ограждать семейную трагедию от внимания общественности, но партийные товарищи считали иначе и, по словам Антоновой, отстранили Зевина от работы комсоргом — именно за то, «что на данном конкретном заседании он вел себя не очень достойно»⁴⁸: идейно-политический этос запрещал ставить под сомнение право партийных органов на полный контроль личной жизни человека и его поведения, а тем более — эксплицитно оспаривать их полномочия.

Однако, продолжает С.И. Антонова, накануне войны Владимира Зевина «все-таки» приняли в члены ВКП(б), и тут началась «некрасивая история, уже связанная лично с ним»⁴⁹: будучи назначен парторгом в отряд, который строил летом 1941 года укрепления под Рославлем, он там не выполнял и половину трудовой нормы; будучи некурящим, он отказался отдавать свою пайку махорки (или табака) курящим товарищам, а обменивал ее в деревне на молоко для себя; имея в чемодане «свои личные новые ботинки», он отказался отдать их кому-то, у кого выданные трудфронтовцам казенные ботинки развалились. За такое «некоммунистическое, нетоварищеское отношение Владимира к своим сокурсникам» комсомольцы на месте постановили отстранить его с поста парторга группы (поскольку других членов партии не было, они взяли это на себя)

⁴⁷Зевин Владимир Яковлевич (1918, Баку — 1976, Москва). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ, затем член ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации на комсомольской работе. После войны работал в Академии общественных наук. Историк, партийный деятель.

⁴⁸Антонова. 2014: 150.

⁴⁹Цитаты из рассказа С.И. Антоновой о В.Я. Зевине здесь и далее — см. Антонова. 2014: 151-156.

— «ведь парторг должен быть примером для остальных» — и подали в парторганизацию факультета заявление с просьбой «вызвать Зевина и поговорить с ним». Такой разговор, т.е. разбор персонального дела на парткоме, был назначен, но Зевин раз за разом не являлся на эти заседания. Он не захотел проходить ритуал вины и позора, о чем прямо сообщил в индивидуальном разговоре секретарю партийной организации. Мемуаристка передает его слова так: «Я не могу прийти. Я не хочу идти на собрание, мне стыдно, что будут меня обсуждать». Такой отказ, особенно в «наэлектризованной» обстановке осени 1941 года, вызвал немедленную кару: В.Я. Зевина постановили исключить из ВКП(б) — уже «не за то, как он вел себя на строительстве, а за то, что он не хочет отвечать за свои поступки», уточняет С.И. Антонова.

После этого Зевин поступил технически так же, как Каминский: уехав из Москвы, он на новом месте утаил это персональное дело и решение об исключении его из партии. Однако Каминский уехал на фронт и там стал заместителем политрука, то есть подвергал себя дополнительной смертельной опасности, поскольку в немецкой армии действовал так называемый «приказ о комиссарах», предусматривавший немедленный расстрел всех взятых в плен политработников РККА. Благодаря этому обстоятельству тот обман, благодаря которому он остался в комсомоле и смог потом вступить в ВКП(б), приобретает положительную оценку в рассказе Левинсона не только в силу его солидарности с другом, но и в силу того, что о Каминском известно, как он отважно воевал и погиб. О Зевине же Антонова, которая сама в нарушение приказа отказалась эвакуироваться, добилась отправки на фронт, была ранена и контужена, с осуждающе-презрительной интонацией (насколько можно о ней судить по отредактированному тексту) говорит, что тот, якобы по настоянию матери, уехал в эвакуацию и «где-то там, далеко в тылу, во время войны, когда лучшие люди были на фронте, его избрали секретарем какого-то провинциального райкома комсомола». Потом, сообщает далее С.И. Антонова, он — опять же благодаря связям матери — вернулся с ней из эвакуации в Москву (что выглядит в рассказе мемуаристки как очередная нечестно полученная привилегия: жизнь эвакуированных была достаточно трудной, а покинуть место эвакуации и вернуться домой просто по желанию, без приказа, было невозможно). В Москве Зевин начал делать партийную и научную карьеру, но в начале 50-х годов, когда он со-

брался защищать докторскую диссертацию в Академии общественных наук, член партбюро АОН И. Шариков⁵⁰, бывший истфаковец, вспомнил, что много лет назад было какое-то «дело с Зевиным». Он навел справки у Антоновой, и у Зевина на этот раз не получилось избежать ритуала вины и позора: он был вызван на заседание парткома АОН, явился, но там «пустил слезу, стал просить прощения, говорить, что на партком его никто не вызывал» и поэтому он не сообщил о своем исключении. Ему сказали, что он все равно должен был сообщить, но — к разочарованию рассказчицы, как можно заключить из ее тона, — «в итоге всё ограничилось тем, что ему поставили на вид». По исполнению ритуала более никаких препятствий для карьеры Зевина не последовало. Далее следует рассказ об этой карьере: работа в ИМЭЛ, редактирование пятого издания собрания сочинений Ленина — «очень почетное дело», — затем пост секретаря бакинской партийной организации.

С.И. Антонова не говорит напрямую, что новый разбор персонального дела был связан с предстоящей защитой диссертации и мог повлиять на нее, но нарративная драматургия и интонация могут быть истолкованы как свидетельство того, что в представлении мемуаристки такая связь была чем-то само собой разумеющимся: тот факт, что человек, неоднократно поведший себя недостойным образом как в отношении товарищей, так и в отношении парторганизации, и к тому же пренебрегший требованиями военно-патриотического этоса, потом сделал успешную научную карьеру (т.е. считался не только хорошим партийцем, но и хорошим ученым, пусть и в наиболее идеологизированной отрасли), очевидно, не вписывался в ее представления о должном. Так, она не говорит ни слова о собственно научной стороне работы Зевина, а о его личной жизни сообщает лишь то, что он был сыном видных деятелей рево-

⁵⁰Шариков Иван Степанович (1908, Котово Западной обл. — 1989). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. С третьего курса был отчислен, но в тот же год восстановлен. Между 1937 г. и 1940 г. вступил в ВКП(б). В первые дни войны добровольцем ушел в народное ополчение. Был политруком роты. Тяжело ранен в сражениях под Москвой, потерял руку. В 50-х годах работал на кафедре диалектического и исторического материализма АОН при ЦК КПСС (был заместителем заведующего). В 1956 г. после XX съезда КПСС выступил против лицемерия отдельных партийных деятелей, выступавших с резким развенчанием культа личности. За это был снят с занимаемой должности и переведен доцентом кафедры философии МОПИ. В 1958 г. арестован и приговорен к двум годам ссылки. Затем — доцент кафедры философии МАИ.

люционного движения и что его мать, пользуясь своим положением старой большевички, «везде его пробивала». А говоря сразу затем об их общем однокурснике Юрии Клокмане⁵¹, который получил на фронте тяжелое ранение и после войны говорил: «Я, конечно, при встрече с ним [т.е. с Зевиным] удержусь от того, чтобы плюнуть ему в лицо, но руки ему не подам», Антонова сообщает и тему его диссертации, и фамилию его научного руководителя, говорит с симпатией о его внешности, о жене и детях, т.е. дает ему позитивную комплексную характеристику как воину, ученому и человеку.

Завершается долгое повествование о Зевине рассказом о том, что, готовясь к общему сбору на празднование 20-летия победы, т.е. в 1965 году, истфаковцы решили простить его и пригласили на встречу, но он не пришел, потому что, убеждена рассказчица, «ему стыдно было. Те, кто с ним был в хороших отношениях до войны, все от него отвернулись», и даже его близкий друг его «осуждал за нетоварищеское отношение к однокурсникам и за то, что он не воевал, фактически дезертировал. Он не записался в ополчение». Как видим, здесь список этических претензий к В. Зевину несколько видоизменился: не упоминается ни идейно-политическая составляющая (взаимоотношения с партийной организацией), ни академическая, зато на первый план, в один ряд с нарушениями этоса межличностных отношений, вышли нарушения военно-патриотического этоса. Едва ли эта перемена связана с тем, что за четверть века вскрылись какие-то новые обстоятельства или были пересмотрены старые. Более вероятным представляется иное объяснение, предполагающее именно синкретизм этических сфер: то, что касается одной, касается и всех остальных, поэтому возможны переходы и взаимозаменяемость, причем мемуаристка не отделяет свою позицию в момент рассказа от позиции, которую занимали однокурсники в описываемое ею время.

Вслед за этим С.И. Антонова разбивает то оправдание «плохим зрением», которое выдвигал в свое время не записавшийся в ополчение В.Я. Зевин. Обман в той ситуации был бы оправдан,

⁵¹Клокман Юрий Робертович (1919, Одесса — 1960-е гг., Москва). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Во время учебы получил 16 воинских специальностей. Участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Инвалид войны. После войны работал в Институте истории АН СССР.

так как служил выполнению военно-патриотического долга, считает она: «Это сейчас можно рассуждать о правильности некоторых поступков, но тогда люди скрывали свои болезни и шли воевать за Родину», и приводит примеры студентов и преподавателей, которые так поступили. Г.И. Левинсон явно разделял этот этический принцип: в его мемуарах есть рассказ о том, как, будучи признан медкомиссией в Москве негодным к строевой службе, он, находясь в эвакуации в Куйбышеве, смог без всякого реального освидетельствования добиться пересмотра этого заключения, чтобы попасть в школу военных переводчиков.

В заключение вернемся к вопросу о том, является ли разделение этосов, позволяющее потом говорить об их «связках», исследовательским произволом по отношению к материалу или же имеет основание в нем самом. Хотя в эго-документах тех, кто учился на истфаке МГУ во второй половине 1930-х и начале 1940-х годов, мы чаще всего встречаем именно свидетельства нераздельного восприятия этических норм, которыми должен был руководствоваться студент-комсомолец, встречаются и упоминания о том, что для некоторых людей в окружении авторов такого единства не существовало. Среди описанных выше случаев к таковым относится, прежде всего, одна часть «братства Панковых», к которой кроме Ивана Чеснокова, пренебрегавшего социалистическим идейно-политическим этосом, но высоко ставившего этос дружбы, принадлежал и молодой художник Давид Дубинский: о нем Г.И. Левинсон сообщает, что тот был одним из самых близких его друзей и что он никак не мог примириться с разрывом между Каминским и Чесноковым, которые были ему оба дороги, то есть этос межчеловеческих отношений стоял для него на первом месте; в остальном же его интересовало, по словам мемуариста, только одно: «рисовать», т.е. идейно-политический этос для него, судя по всему, не существовал или не имел значения. То же касалось и академического: в школе Давид, по словам Г.И. Левинсона, по всем предметам учился только на двойки, поскольку ничто кроме рисования ему было неинтересно. Переходить из класса в класс и затем поступить в Строгановское училище ему, по всей вероятности, помогла протекция родственников-чекистов.

В рассказе о В.Я. Зевине мы еще раз видим, как идейно - политический и военно - патриотический этосы могли не сливаться

друг с другом: когда С.И. Антонова повествует о том, как она сама или другие люди рвались на фронт, она говорит об их желании «защищать Родину», «защищать Отечество», а не о противостоянии между политическими системами и идеологиями, не о долге коммуниста или комсомольца. Когда в рассказе о поведении В.Я. Зевина в годы войны мемуаристка все же возвращается к идейно-политическому этосу, говорит она не об уклонении от службы в армии: «[...] война расставила все на свои места и показала, кто есть кто: [...] Может быть, Зевин и хотел быть членом партии, но коммунистом не был никогда, потому что ставил себя выше других товарищей, противопоставлял себя организации». Не исключено, впрочем, что это разделение военно-патриотического и идейно-политического в позднейших воспоминаниях о войне произошло ретроспективно и не без влияния изменившейся обстановки: хотя С.И. Антонова до конца дней оставалась «советским человеком» и коммунисткой, все же на момент, когда она записывала свои мемуары, в публичной сфере уже господствовало — и, вероятно, воздействовало на нее — представление о Великой Отечественной войне именно как о борьбе с иноземными захватчиками, стоящей в одном ряду с борьбой против татаро-монголов, тевтонских «псов-рыцарей», поляков, шведов, Наполеона и т.д. Ушла на задний план или даже вовсе утратила актуальность весьма важная некогда идеологическая составляющая концепции этой войны, в соответствии с которой нападение фашистской Германии на СССР было попыткой империализма задушить социализм и, соответственно, речь шла еще и о битве двух общественно-политических систем, двух идеологий. Эта трактовка занимает очень видное место в дневниковой записи студентки истфака Ирины Мартиновны Дажиной⁵² от 28 июня 1941 г., где она, в частности, пишет: «Началась война с остервенелым немецким фашизмом. [...] Гитлер решил бросить свои орды на Советский Союз. Чудовищно! Но разве дрогнет советский человек перед гитлеровским выродком? [...] Мы своей кровью и жизнью защитим Родину и завоюем счастье и свободу будущему поколению. [...] Студенты клялись отдать свои силы, чтобы вместе со всем на-

⁵² Дажина Ирина Мартиновна (1921 — 2013). В 1940 г. поступила на исторический факультет МГУ. Одновременно с учебой занималась в аэроклубе, собиралась стать летчицей, но в авиацию во время войны попасть не смогла. Была санинструктором, медсестрой в 140-й Сибирской орденоносной стрелковой дивизии. После окончания истфака МГУ и завершения войны работала историком. См. *Дажина*. 2013.

родом преградить путь проклятому фашизму»⁵³. Когда С.И. Антонова вспоминает о состоявшемся у нее 22 июня 1941 г. разговоре с подругой, она тоже рассказывает, что обе трактовали войну как войну идейную: «Это — серьезная война, не эпизод. Война с фашизмом. По предшествующей истории фашизма, [...] было ясно, что война МИРОВАЯ, и главной целью фашизма было именно разгромить Советский Союз. [...] Это было ясно некоторому количеству людей, тем, кто знали историю», и позже еще один разговор, в октябре 1941 г., с работницами ткацкой фабрики, которые говорили: «Да мы готовы последнюю рубашку отдать, лишь бы наша армия хорошо себя чувствовала! Лишь бы одержать победу над этим проклятым фашизмом!»⁵⁴. Но слова «фашизм» или «Советский Союз» не фигурируют, когда 60 лет спустя она в своих воспоминаниях дает этические оценки поведению своих однокашников летом-осенью 1941 года.

Таким образом, этический синкретизм часто обнаруживается и в воспоминаниях, и в документах эпохи, но у нас нет оснований полагать, что он был свойственен всему поколению или хотя бы всем студентам предвоенных наборов истфака МГУ во всех ситуациях: порой люди разделяли этосы различных социальных ролей и, игнорируя или отрицая одни, строго придерживались других. Среди рассмотренных нами источников подтверждением тому могут служить мемуары Михаила Григорьевича Рабиновича⁵⁵. В той главе его воспоминаний, которая посвящена студенческим годам (она написана в 1969 г.), мы редко встретим этические оценки, свидетельствующие о неразличении социальных ролей. Более того, этические оценки в мемуарах М.Г. Рабиновича, как правило, не резки и часто не высказаны прямо, а имплицитно заложены в рассказ или в

⁵³ *Дажина*. 2013. <https://prozhito.org/notes?date=%221940-01-01%22&diaries=%5B397%5D>.

⁵⁴ *Антонова*. 2014: 190, 213.

⁵⁵ *Рабинович*. 2005. Рабинович Михаил Григорьевич (1916, Екатеринбург — 2000, Пало-Алто, США) — студент истфака в 1937 — 1941 гг., историк, археолог и этнограф, москвовед. Первый руководитель Московской археологической экспедиции (1946 — 1951). Доктор исторических наук (1963). Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1992) за цикл монографий «Традиционная культура русского народа в XVII — начале XX вв.». Не был членом ни ВЛКСМ, ни коммунистической партии. Свои «Записки советского интеллектуала» мемуарист, по словам их публикатора О.В. Будницкого, писал «явно не для печати», но после его кончины были они опубликованы в авторской редакции. См. вступительную статью в *Рабинович*. 2005: 11, 14.

интонацию. Едва ли не четче всего они проявлены, когда он пишет о М.Я. Гефтере, к которому, по свидетельству близко знавших его людей, относился и в студенческие годы, и потом до конца жизни с большой неприязнью. Причиной ее сам мемуарист называет то, что Гефтер «добровольно, казалось бы бескорыстно и притом умно» помогал «выявлять «окружение врагов народа», то есть их родственников и друзей», тогда как Рабинович, как можно заключить по тексту, уже в те годы считал, что это неприемлемо: человек вполне может «оказаться врагом народа», но его родственники и друзья не имеют к этому отношения. Описывая Гефтера, мемуарист дает выход своей антипатии к нему, описывая его внешность («выглядел каким-то облезлым», «пальцы [...] — какие-то бледные щупальца»; о другом добровольном помощнике «органов» сказано, что он был «какой-то всегда сальный, с лягушачьим ртом и выпученными глазами, [...] похож на огромную жабу»⁵⁶). Выступление Гефтера на комсомольском собрании, где разбиралось персональное дело А.Б. Беленького, не желавшего отречься от своего арестованного отца, Рабинович описывает без открытых этических оценок, но неодобрение, выраженное с помощью саркастического тона, очевидно:

Миша Гефтер произнес прочувствованную речь о том, как ему больно, что такой хороший парень и его близкий друг замешан в такое нехорошее дело, и как он едва находит в себе силы потребовать, чтобы Шуру исключили из комсомола. Да, именно исключили, а не ограничились выговором, как предлагают некоторые товарищи.

— Выговор — это было бы непринципиально⁵⁷. (...)

При этом «принципиальность», как показывает Рабинович, не была у Гефтера последовательной. Так, мемуарист вспоминает несколько эпизодов, в которых Гефтер совершал поступки, «не вязавшиеся с создавшимися у меня представлениями о правильном поведении»: то не указал ему вовремя на ошибку в контрольной по латыни, то после ареста одного из своих друзей делал вид, что даже не помнит его адреса⁵⁸, т.е. нарушал этический принцип лояльности друзьям — иногда ради высших идейных соображений, а

⁵⁶ Рабинович. 2005: 149, 148.

⁵⁷ Рабинович. 2005: 149.

⁵⁸ Рабинович. 2005: 142, 143, 149.

иногда ради каких-то сиюминутных собственных интересов. Описание неэтичных поступков М. Гефтера — едва ли не самый пространственный в этой главе рассказ о человеческом поведении вообще. Однако неприязнь, вызванная таким его поведением по отношению к окружающим, у Рабиновича не переходит в отрицательные оценки академической его деятельности: о ней он вовсе не упоминает, а только признает, что у Гефтера речь была «вполне литературна, даже образна и, главное, всегда умна»⁵⁹. Кратко, вскользь, Рабинович намекает на то, что в идейно-политическом плане Гефтер тоже вел себя неэтично, изображая трансформацию своей позиции после XX съезда КПСС: «[...] многие умные и хорошие люди [...] верят ему, когда он щеголяет осторожными левыми фразами»⁶⁰. Свой приговор мемуарист, однако, сразу же сам релятивизирует: «Не знаю. Может быть, я пристрастен [...] Впрочем, теперь-то все это в прошлом: он даже пострадал [...]»⁶¹.

Одним из очень немногих примеров того, как Рабинович - мемуарист (а сначала он же — студент) смешивает роль ученого, ведущего научный спор, с ролью человека, совершающего поступок в межличностном конфликте, является эпизод, в котором речь идет о несогласии между Б.Д. Грековым и М.В. Нечкиной, с одной стороны, и С.В. Бахрушиным и К.В. Базилевичем, с другой, по вопросу о времени зарождения феодальных отношений в древнерусском государстве. Вслед за Нечкиной студенты ее семинара, включая М.Г. Рабиновича, «ринулись в бой очень яростно», выдвигая на занятиях аргументы в поддержку концепции Грекова, согласно которой о феодализме можно было говорить уже в IX в., а не только с XI в., как считали его оппоненты. Греков же принял выдвинутые контраргументы и переработал свою книгу «Феодальные отношения в Киевском государстве». Даже тридцать лет спустя, уже будучи профессиональным ученым, Рабинович, вспоминая об этом, лишь воспроизводит свою студенческую реакцию: «Каково же было нам увидеть на следующий год новое издание книги Грекова уже под названием «Киевская Русь» и с эпиграфом из Павлова: «Не давайте гордыне овладеть вами. . . » Наш неведомый кумир запросто уступил своим противникам два столетия. Знал ли он, как мы тут эти столетия отстаивали?» — восклицает мемуарист, ни словом не

⁵⁹ Рабинович. 2005: 149.

⁶⁰ Рабинович. 2005: 150.

⁶¹ Рабинович. 2005: 150.

обмолвившись о собственно научном содержании аргументов, заставивших историка изменить свое мнение. Он явно воспринял поступок Грекова как возмутительное предательство своих сторонников, а не как достойное уважения признание ученым своей неправоты перед лицом доводов коллег⁶².

В остальном, повторим, мемуары М.Г. Рабиновича — скорее пример того, что на предвоенном истфаке были и люди, в чьем представлении этос социальной роли товарища не всегда совпадал автоматически и неконтролируемо с этосом социальной роли студента или ученого и роли советского человека (кстати, ни комсомольцем, ни членом партии М.Г. Рабинович не был, и это могло быть и отражением, и залогом того, что он судил о поведении окружающих не совсем так, как остальные авторы, рассматриваемые здесь).

Сказанное заставляет вспомнить о тех наблюдениях, которые были сделаны в предыдущем нашем исследовании, посвященном проблеме этоса российского ученого на рубеже XIX — XX вв.: среди представителей профессорско-преподавательского и исследовательского состава дореволюционных российских университетов тоже были обнаружены как те, кто четко разделял, так и те, кто вовсе не разделял разные этосы: в том исследовании были выделены этос социальной роли представителя того или иного идейно-политического лагеря, этос социальной роли ученого и этос социальной роли нравственно порядочного человека. Неразделение этих трех этосов было обнаружено преимущественно в среде членов Академического союза, т.е. представителей либеральной интеллигенции, в значительной части поддерживавшей потом партию кадетов. Вряд ли можно говорить о возможности систематической передачи этических моделей от дореволюционной либеральной профессуры студентам-комсомольцам 30 — 40-х годов: к тому времени кадеты и либеральная интеллигенция были частично вытеснены в эмиграцию, частично истреблены или репрессированы, частично принуждены к молчанию. На истфаке МГУ в период, рассматриваемый в данной статье, представители этой интеллигенции еще оставались, например, на кафедре истории Средних веков⁶³. Для таких сту-

⁶² Рабинович. 2005: 137.

⁶³ См., в особенности портреты Е.А. Косминского, А.И. Неусыхина, Д.М. Петрушевского в первых главах книги: Гуревич. 2004.

дентов, как А.Я. Гуревич⁶⁴, именно они служили образцом твердой приверженности этосу ученого и педагога. В том, что касалось этоса межчеловеческих отношений, они лишь отчасти могли служить примером, а по поводу их идейно-политических позиций можно было сказать, что они либо не проявлялись, либо были конформистскими. Нельзя, впрочем, не отметить, что если у истфаковских профессоров старшего поколения и имелась способность последовательно разделять этосы разных социальных ролей, то А.Я. Гуревич, при всем своем уважении к ним, не перенял от них этой способности. Во всяком случае, в позднейшие годы он неоднократно высказывался в том смысле, что если историк поддавался давлению властей и соглашался, поступая против своей совести, участвовать в официозных идеологических кампаниях (что, переформулируя точку зрения Гуревича в наших терминах, было нарушением гражданского этоса), то это вело к тому, что он начинал и в научной работе действовать не так, как подобает истинному ученому⁶⁵.

Потребуется дальнейшие исследования, чтобы объяснить кажущийся парадоксальным факт: в 30 — 40-е годы подход к оценкам поведения, отличающийся нераздельностью этических сфер, оказался распространен среди тех людей в советской академической среде, кто считал себя не преемниками, а идейными врагами либерально-центристской старорежимной интеллигенции, — студен-

⁶⁴Гуревич Арон Яковлевич (1924, Москва — 2006, Москва) В 1943 г. поступил на исторический факультет МГУ. Будучи признанным негодным к строевой военной службе, был мобилизован на военный завод, где работал до 1944 г. Одновременно учился на заочном отделении исторического факультета МГУ, а на третьем курсе поступил на очное дневное. Выпускник кафедры истории средних веков (1946). Доктор исторических наук (1962), профессор (1963). Член ВЛКСМ с 1940 г., в школе и на заводе был комсоргом. С 1950 г. читал лекции по истории средних веков на заочном отделении Калужского педагогического института, затем в Калининском пединституте до 1966 г. В 1966 — 1969 годах старший научный сотрудник сектора истории культуры Института философии АН СССР, с 1969 г. работал в Институте всеобщей истории АН СССР, с 1987 г. возглавлял центр исторической и культурной антропологии ИВИ РАН, с 1989 года — профессор кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ (также преподавал в МГУ на филологическом факультете в 1975 — 1977 гг.). С 1992 г. — заведующий отделом культуры и науки средневековой и современной Европы Института мировой культуры МГУ. Автор многочисленных книг и статей по истории западноевропейского Средневековья, переведенных на многие языки.

⁶⁵Наблюдение основано на высказываниях А.Я. Гуревича в частных беседах с автором.

тов, которые, родившись уже после революции, были воспитаны в ленинско-сталинском духе и среди которых многие, хотя и не все, были комсомольцами, а с достижением необходимого возраста становились или хотели стать членами коммунистической партии. Они составляли, разумеется, не все советское студенчество, но среди молодежи, избравшей факультет, посвященный такой идеологизированной дисциплине, как история, их концентрация, вероятно, была особенно высока. Трудно сказать, была ли подобная нераздельность этических норм разных социальных ролей среди истфаковцев преобладающей: их в наборе каждого года было примерно полтора человека, а имеющиеся у нас источники дают необходимую информацию лишь о двух-трех десятках. Но кейсы, разобранные в данной статье, позволяют утверждать, что она во всяком случае не была маргинальной и могла быть доминирующей если не в количественном отношении, то в качественном, поскольку мы наблюдаем ее у студентов и студенток, «задававших тон» среди своих однокашников, будь то в качестве комсомольских, партийных или неформальных лидеров, становившихся центрами притяжения дружеских компаний и образцами для подражания. Поэтому есть определенные основания считать ее характерной для истфаковской среды чертой.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Антонова С.И. Воспоминания советского человека / Предисл. В.П. Богданова, Ю.А. Мошкова, Е.О. Ягодкиной. М., 2014.

Голоса из мира, которого уже нет. О выпускниках исторического факультета МГУ 1941 г. в письмах и воспоминаниях / Сост. и вступ. тексты М.Я. Гефтера. М., 1995.

Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.

Дажина И.М. Далекое близкое: по страницам дневников и писем со роковых годов XX века. М., 2013.

[*Максакова Л.В.*] Письма студентов исторического факультета МГУ. 1941 — 1945 гг. // Вопросы истории. 2005. №5. С. 49 — 78.

«Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009.

Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала / Публ. и коммент. О.В. Будницкого; вступ. статья Л.А. Беляева, О.В. Будницкого, В.Я. Петрухина. М., 2005.

Шмидт С.О. Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Чекалова. СПб., 2003. С. 15-16.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанян А.С. Портрет интеллигента. Георгий Ильич Левинсон (1918 — 1988) // О коллегах и товарищах. Московские востоковеды 60 — 80-х годов / Ред. колл.: Дрейер О. и др. М., 1994. С. 108-115.

Логвинова Л. «Мы даже смерти выше...» (Жизнь и творчество Н. Майорова) // «ЛoToC». Электронный ресурс: www.litmir.net/bd/?b=191719 [последнее обращение 19 октября 2021 г.].

Тутков А.С. Ритуалы вины и позора в Украинском конфликте 2013-2015 годов // Векторы развития современной России. «Война миров»: научное знание - прагматика жизни. Материалы XIV Международной научно-практической конференции (17 — 18 апреля 2015 года). М., 2016. С. 151-159.

Cărlan I.A. Former Communists Condemning Communism: Ethos, Legitimacy and Ad Hominem Argumentation // Communication and Argumentation in the Public Sphere. 2007. Vol. 1. Issue 1. P. 67-87.

Hilder M.B. The Feminine Ethos in C. S. Lewis's Chronicles of Narnia. N.Y., 2012.

The International Handbook of Teacher Ethos: Strengthening Teachers, Supporting Learners / Ed. F. Oser, K. Heinrichs, J. Bauer et al. B., 2021;

Kirchhof P. Ernst-Wolfgang Böckenförde: Vom Ethos der Juristen // Archiv des öffentlichen Rechts. 2012. Bd. 137. Nr. 1. S. 151-156.

Kulikov S.B. Scientific Ethos and Foundations of Conscious Activity // Integrative psychological and behavioral science. Issue 7.3. 2019. P. 1-21.

Das professionelle Ethos von Lehrerinnen und Lehrern: Perspektiven und Anwendungen / Hg. H.-R. Schärer, M. Zutavern. Münster; N.Y., 2018.

Quack J. Über das Ethos von Intellektuellen: Philosophische Aufsätze. Hamburg, 2020.

Roth G. Die deutsche Fallschirmtruppe 1936 - 1945: der Oberbefehlshaber Generaloberst Kurt Student; strategischer, operativer Kopf oder Kriegshandwerker und das soldatische Ethos; Würdigung, Kritik, Lektion. Hamburg, Berlin, Bonn, 2010.

Weingart P. Ist das Wissenschafts-Ethos noch zu retten?: Mertons Verhaltensregeln und die veränderten Bedingungen der Wissensproduktion // Gegenworte. 2010. Bd. 2. S. 13-17.

Wonka M. Vom Ethos gelingender Liebe in christlicher Ehe: ein moraltheologischer Beitrag zum Gelingen von Ehe. Hamburg, 2009.

ОБ АВТОРАХ

Брахман Анастасия Александровна — PhD., специалист по раннесредневековой политической истории, политической коммуникации Оттоновского времени.

Омельченко Дарья Михайловна — к.и.н., научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера интересов: поздняя Античность, история христианства, Южная Галлия.

Шокарев Сергей Юрьевич — к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС, специалист по истории России Нового времени.

Мельник Александр Гаврилович — д.и.н., зав. Архитектурным отделом ГМЗ «Ростовский кремль», специалист по древнерусской истории и культам святых.

Евстратов Антон Геннадьевич — к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско — Армянского университета (Ереван, Армения), специалист по религиозным, идеологическим и политическим процессам на Ближнем Востоке, автор учебного пособия по политическому исламу, журналист - международник.

Майзульс Михаил Романович — к.и.н., старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ.

Келлер Андрей Викторович — д.и.н., PhD., с.н.с. Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, специалист по Новой и Новейшей истории, истории педагогики.

Бычков Павел Сергеевич — м.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по

культуре Франции, Англии и Нидерландов XIV — XVI вв.

Пименова Людмила Александровна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сфера научных интересов: история Франции раннего Нового времени.

Болдырева Наталья Андреевна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по английскому антикварному знанию XVI — начала XVII вв., англо-русским культурным связям XVI — XVII вв.

Левинсон Кирилл Алексеевич — к.и.н., PhD. Сфера научных интересов: социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Герштейн Анна Борисовна — к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Луцицкая Светлана Игоревна — д.и.н., в.н.с., зав. Центра исторической антропологии ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов и христианских представлений об исламе.

Окунева Ольга Владимировна — к.и.н., PhD., специалист по истории Франции Нового времени, французским колониям в Южной Америке.

Ганина Наталия Александровна — д.филол.н., профессор кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по истории немецкого языка, истории и культуре древних германцев, средневековой латинской и немецкой палеографии.

Уваров Павел Юрьевич — член-корр. РАН, д.и.н., зав. Отделом западноевропейского Средневековья ИВИ РАН, специалист в области западноевропейской истории Средних веков и раннего Нового времени, истории Франции, истории университетов, социальной истории Европы.

Яцык Светлана Александровна — к.и.н., научный сотрудник Центра истории, археологии и литературы христианских и мусульманских миров средневековья (СНАМ) Национального центра научных исследований (CNRS), главный редактор журнала «*Vox medii aevi*», специалист в области интеллектуальной истории францисканского ордена, истории проповедей и автоматической транскрипции рукописей.

ABSTRACTS

A.A. Brahman

ANTAPODOSIS BY LIUTPRAND OF CREMONA, OR HOW TO GET A JOB AT THE SAXON COURT IN THE 10TH CENTURY

The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recreating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job». The article represents the peculiarities of self-representation and the methods of its construction by a clergyman of the 10th century Liutprand of Cremona in his works «Antapodosis» and «Homelia Paschalis». Recre-

ating the features of Liutprand's biography from sources and analyzing the latest historiography, the author proves that portraying himself as a skilled diplomat, scientist and intellectual, a connoisseur of the Greek language, Liutprand aimed to make a career at the court of Emperor Otto I, trying to achieve appointment as an ambassador, and later as a minister of the imperial chapel. Liutprand needed to overcome the memory of his disloyalty to the previous king and to show himself a faithful servant of the ruler. To do this, he uses biblical imagery, and also adopts rhetoric from Gregory the Great's «Moralia in Job».

Keywords: Liutprand of Cremona, medieval historiography, self-representation, Xth century, intellectuals at the court

D.M. Omelchenko

«THE PATIENCE WITH WHICH RELICS SHOULD BE APPROPRIATED»: ABOUT SOME STORIES IN THE HISTORY OF THE CULT OF ST. CAESARIUS OF ARLES

This article systematises the evidence from various sources on the cult of St Cesarius, bishop of Arles (502-543). During the late Antiquity he was one of the main figures in the Church of Southern Gaul. Cesarius'cult had the potential to extend beyond Provence: the bishop was known as a wonder-worker not only in Arles, his sermons were popular in various parts of Europe, his status as the first papal vicar in Gaul could become an argument in foreign policy for Frankish kings and the papacy. For the first time in the West, Caesarius developed a Rule specifically for the ascetic community of women («The Rule for Virgins») and may have laid the foundations of the normative tradition of medieval female monasticism. However, the potential opportunities were never realized, and the cult of Caesarius remained local. Among the reasons are the following: the inconsistency of the bishop with the hagiographic model that prevailed in late Antiquity, the unacceptability for the Merovingians of his position in relation to the Arian kings, the burial of the saint away from the tombs of the martyrs, the peripheral status of Provence in the vast Frankish state. At the turn of the 20th-21st centuries, an unexpected surge of interest in the bishop's relics was caused by the restoration of his funeral vestments. The natural science methods used in the study of sacred objects made it possible to make

important observations in the field of material culture. Several museum exhibitions outlined the range of objects associated with the name of the bishop, archival work made it possible to clarify its history. These events have become a kind of «appropriation of relics» by Caesarius of Arles by means of the age of high technology. As a result, the bishop is now perhaps a more famous person than during the 1500 years that have passed since his death.

Keywords: Caesarius of Arles, relics, reliquaries, Southern Gaul, late Antiquity, cult of saints, natural science methods.

S. Yu. Shokarev

**«HIS DONATIONS ARE ICONS, BOOKS, AND MONEY...
AND EVERYTHING CANNOT BE ENUMERATED»:
THE VOLUME AND DYNAMICS OF IVAN THE TERRIBLE'S
MONETARY DONATIONS TO MONASTERIES**

The article is devoted to the analysis of Ivan the Terrible's donations to monasteries. The paper undertakes an assessment of the volume of donations to 10 monasteries in order to establish the dynamics and peculiarities of the tsar's patronage activities. It is revealed that Ivan the Terrible gave very large amounts of donations to the Trinity-Sergiev, Kirillo-Belozersky and Joseph-Volokolamsky monasteries (tens of thousands of rubles each), but donated less to other monasteries. The amounts of donations show that Ivan the Terrible adhered to a certain hierarchy of monasteries and gave different amounts of donations for the commemoration of divers members of his family. The number and volume of donations increased throughout Ivan the Terrible's reign, but the death of Tsarevich Ivan Ivanovich caused a rapid growth of donations for the soul of the heir to the throne himself and for the souls of the disgraced executed by Ivan the Terrible.

Keywords: Ivan the Terrible, History of the Russian Orthodox Church, monasteries, donations, church charity, Tsarevich Ivan Ivanovich, Trinity - Sergiev Monastery, Kirillo - Belozersky Monastery, Joseph - Volokolamsky Monastery, Solovetsky Monastery.

A.G. Melnik

A TOMB OF A SAINT IN THE SPACE OF A RUSSIAN TEMPLE OF THE 17TH CENTURY

The article is devoted to a comprehensive analysis of 49 tombstone complexes of Russian saints based on inventories of churches and monasteries, as well as certain scribe books. The main purpose is to reveal the main traditions or objective laws in the formation of these complexes, including the choice of their location in the space of a temple of the 17th century.

Keywords: burial place, relics, tombstone complex, temple, 17th century

A.G. Evstratov

LIFE OF SHI'I PILGRIMS IN NAJAF AND KARBALA IN THE 19TH CENTURY

The only pilgrimage as a «pillar of Islam» prescribed for every Muslim is the Hajj to Mecca and Medina, but adherents of this religion make «pious journeys» to other places. Sunni Muslims recognize holy cities that contain desirable sites to visit (for example, Jerusalem, considered the «third holy city», and the Al-Aqsa Mosque located there), however, these pilgrimages are not obligatory, but recommendatory. Shiite pilgrimages to the land of Iraq — primarily to Najaf and Karbala, on the contrary, have a status very close to mandatory. The first and third Shiite Imams, Ali and Hussein, are buried in these cities, respectively, in Najaf from the 18th-19th centuries. The main center of Shiite scholarship has been formed, and therefore the views and thoughts of millions of Shiite believers are directed here. At the same time, the Shiite pilgrimage, like the Hajj, is not only a purely religious action, but also a social one. People who visit holy places receive the nicknames «Karbelaï», «Najafi» (as well as «Mashhadi» — after visiting another center of pilgrimage - the Iranian Mashhad) and enjoy special respect from their coreligionists. In this study, we will look at the life of

pilgrims to the Shiite shrines of Iraq (the territory of which was called «Turkish Arabia», or «atabat») in the 19th century, because it was at that time that the traditional realities of the Muslim world in general and its Shiite part began to change rapidly. These changes are associated with a unique political situation (on the one hand, the presence of Shiite shrines on the territory of the Sunni Ottoman Empire, and on the other, the orientation of the local Shiite population towards Iran ruled by the Qajar dynasty, both states having a semi-colonial status), and with the rapid development of science and technology, and with a very peculiar ideological situation. Both Iran and the Ottoman Empire underwent secular reforms in the 19th century, and many significant Shia communities lived in territories belonging to the non-Muslim states of Russia and Great Britain.

Keywords: shia, islam, ziarat, Ashura, Kerbela, Najaf, Imam Ali, Imam Husain

M.R. Maizuls

ANTICHRIST IN BETHLEHEM? FROM VAN DER VEIDEN TO BOSCH

In the altarpieces created in the Netherlands in second half of the 15th and in the beginning of the 15th centuries, the *Adoration of the Magi* often served as the main subject. However, in Hieronymus Bosch's triptych, which is kept in the Prado Museum, it includes many iconographic "anomalies". They arouse the suspicion that there is a "double bottom" hidden in this image. The main clue to its interpretation is the appearance of an ominous character in a red cloak standing at the door of the manger. There are many versions of who this is. The most convincing of them postulates that Bosch introduced into the scene of the Epiphany the figure of the Jewish Messiah — Antichrist himself. He is not to be found in any of the earlier depictions of the *Adoration*. Nevertheless, we can trace the visual genealogy of this character. This article shows that the group consisting of the Antichrist and of his companions is derived from the group of men standing in the stable doorway in Rogier van der Weyden's *Triptych of St. Columba*. Bosch introduces the antagonist of the Savior into the joyous scene of the Epiphany and creates one of the most powerful and ominous images of

enmity surrounding Jesus. This visual interpretation was unusual, but not unique at the time. In late medieval depictions of the birth and infancy of Christ, we find a certain number of characters that incarnated (Jewish) unbelief. The author analyzes how Bosch constructs his characters and introduces into the image a series of ambivalent details that relate them to each other but make unambiguous identification problematic if impossible.

Keywords: Hieronymus Bosch, Rogier van der Weyden, Adoration of magi, iconography, eschatology, Antichrist, Church and Synagogue, enmity, color symbolism, visual ambiguity.

A. V. Keller

THE TABLE OF NATIONS IN THE CONTEXT OF CULTURAL STEREOTYPES ABOUT RUSSIANS AND GERMANS OF THE 17th — 19th CENTURIES

The article considers the regional identification of Russia in the European family of peoples with reference to The Table of Nations in the context of the mutual perception of Russians and Germans over a long time. The study is based on the theoretical principles of cognitive history, historical anthropology, and imagology. The methodology of the comparative approach involves internal and external perspectives, as well as two types of stereotypes: as a rule, more positive auto-stereotypes, or self-images, and hetero-stereotypes, or external images. The Styrian Table of Nations (Styrian Völkertafel) published in the Appendix is an exception in this case, since in addition to positive characteristics, the self-description of German-speaking authors contains negative characteristics. The Styrian Völkertafel as a historical source of "grassroots" culture found at the level of the Russian popular print makes it possible analyze ideas and stereotypes about the northern neighbor in two aspects, i.e. visual, with the possibility of turning the visual into the verbal, and textual. The article contains the first ever published translation of the Styrian Völkertafel into Russian.

Keywords: Styrian Table of Nations (Steirische Völkertafel), engraving of Friedrich Leopold, Russians, Germans, Europeans, cultural stereotypes, national images.

P.S. Bychkov

**BODY POLITIC, MICROCOSMOS AND ZODIAC MAN:
BODY METAPHORS IN ENGLISH AND FRENCH
RELIGIO-PHILOSOPHICAL AND POLITICAL
DISCOURSE OF 14TH — 15TH CC**

One of the most popular concepts during the Antiquity and Middle Ages was the metaphor of the body which manifested the ideas of unity and coexistence in harmony of various parts of the whole. It was closely tied up with the mythological imagery of protoplast on one hand and with the conceptualization of social unity on the other, for example, with the concept of Church as the mystical body of Christ. Microcosm was one of the embodiments of this image representing the idea of the indissoluble existence of the individual, his body and the rest of the world — this concept continued to be reproduced in the religious/philosophical texts of 14th — 15th cc. From this doctrine of microcosm also arose the Medieval medical theory of humors, fluids of human body, associated with four elements, at the meantime »zodiac man” was the equivalent of microcosm in Medieval astrology, visual representation of a belief in the impact of celestial bodies on the health and mental qualities of people. Finally, the metaphor of the body politic clearly demonstrated the unity of different estates in a single body of the state, it can be considered one of the first forms of reflection on society and politics in the 14th — 15th centuries.

Keywords: body politic, microcosm, zodiac man, astrology, humors, Jean Gerson, Nicolas Oresme, Philippe de Mézières, Christine de Pizan

L.A. Pimenova

**«ART OF THE WORD»: PROTESTANTS IN THE
OFFICIAL DISCOURSE OF THE FRENCH MONARCHY
OF THE 17TH-18TH CENTURIES**

The article investigates how during the period from the end of the Wars of Religion to the Revolution of the 18th century in France the

official terminology used to name the Calvinist minority was appeared and changed. Behind the choice of the word was the image that the authorities impressed upon their subjects. As sources, were used royal edicts and declarations, ministerial papers, documents of the Parlement of Paris and of the clergy assembly, as well as treatises, dictionaries and encyclopedias of the 17th-18th centuries. For many years, the official designation of the French Calvinists in all legislative acts was the cumbersome expression «adherents of the so-called reformed religion» which implied a resolute denial of the name of «reformed religion» used by the Calvinists themselves. With the publication of the Edict of Fontainebleau (1685) by Louis XIV, the term «new converts» began to be used to name the Calvinists, indicating that now all the subjects of the king had converted to Catholicism. The term «Huguenots» in the 18th century ceased to be used while speaking about contemporary realities. The evolution of religious policy of the government was accompanied by a change in official terminology. In the second half of the 18th century, when the question of the need to grant civil rights to Calvinists was discussed, in administrative correspondence between the king, ministers and magistrates of the Parlement of Paris, they constantly called adherents of other religions by their proper names and talked about Protestants and Calvinists. But in the text of the royal edict they were called «those who do not profess the Catholic religion». The terms «Protestant» and «Calvinist» were avoided by the authors of official documents, thereby emphasizing that there was only one recognized religion in the kingdom.

Keywords: 18th century, dictionaries, discourse, legislative acts, public space, Reformation

N.A. Boldyreva

**REFLECTION OF THE ANTIQUARIAN METHOD OF
«OLD CURIOS PERSON» WILLIAM CAMDEN IN THE
CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF
«BRITAINNIA»**

The article analyses the interpretation of particularities of the antiquarian method that was very popular among the European researchers of the 16th century in the Church Slavonic translation of W. Camden's

"Britannia". Created by the English antiquary this treatise was included in the fourth volume of the most famous world geographical atlas - the "New Atlas" of Blaeu. This volume was translated very accurately into Church Slavonic by Isaiah, the Little Russian scribe of the Chudov Monastery in the 1650s-1661 upon the orders of Patriarch Nikon.

The examples of archaeology, numismatics and epigraphies were examined. These auxiliary disciplines were just beginning to form in Europe in the late 16th - early 17th centuries. For the Russian state of the same period, it is not necessary to talk about a similar level of development of these areas of historical thought, so Isaiah acted as a pioneer, interpreting, for example, information about ancient coins, archaeological finds, that is, artefacts.

Keywords: antiquarian method, artifacts, numismatics, epigraphies, Camden, «Britannia», atlas, Blaeu, interpretation, Isaiah, «Vri-tannia»

K.A. Levinson

**«HOW LIVED, WHOM LOVED, WHOM DIDN'T SHAKE
A HAND WITH»: ON THE QUESTION OF ETHICAL
ASSESSMENTS OF STUDENTS' BEHAVIOR ON THE
FACULTY OF HISTORY OF THE LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY IN THE EARLY 1940ES**

In the article on the material of memoirs of graduates of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University the specific ethos characteristic of this subculture in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s is considered. The author describes this ethos as complex, including academic ethos, political (or civil) ethos, and ethos of interpersonal relations. The analysis of sources shows that often these three elements were not separated in students'ethical perceptions and discourse. This syncretism of ethos brings them closer to the pre-revolutionary liberal Russian intelligentsia, although the political orientation of these two groups was different.

Keywords: university history, history faculty, Moscow State University, university ethos, history of Soviet academia.

A. B. Gerstein

**THE CHAPTER «HOLY LAND» IN THE *ATLAS, OR
COSMOGRAPHIC MEDITATIONS UPON THE
STRUCTURE OF THE UNIVERSE AND THE FORM OF
THE CREATED* BY G. MERCATOR — J. HONDIUS**

The article reconstructs some of the scientific methods used by early modern geographers in composing so-called «Theatres of the World», that is descriptions of the different regions and countries of the world supplemented with maps. How these texts were composed? What sources were considered as texts of authority? Could the historical context influence the content, choice of words and names, characteristics of peoples and kings? The author seeks answers to these questions in the chapter «Holy Land» of the *Atlas, or Cosmographic Meditations upon the Structure of the Universe and the Form of the Created* by G. Mercator — J. Hondius. This paper is the first publication of the translation into Russian the chapter «Holy Land».

Keywords: *Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*, G. Mercator, J. Hondius, cartography, description of the world, Holy Land.

O. V. Okuneva

**«FLORILEGIUM SCIENTIARUM» AND THE STUDY OF
HISTORICAL HERBARIUM**

(*Rev.*: The Herbarium of Robert Erskine, Archiater and Physician-in-Chief to Peter the Great / edited by A.K. Sytin and D.D. Slastunov. SPb, Lubavich, 2022, 375 p.)

The book under review is the first critical edition of the *Herbarium* belonged to Robert Areskin, a fellow-fighter of Peter the Great, his Physician-in-Chief and President of the Apothecary's Garden in Moscow. The Herbarium was created in 1709 and composed of plant species from the vicinity of Moscow. This is Russia's first botanical collection of western type. The present critical edition is a part of

the huge research project «From the Kunstkamera to Herbal Science. The Development of Botany in Russia in the First Half of the 18th Century» conducted by Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences with the financial support of Russian Foundation for Basic Research. It demonstrates how productive the joint effort of botanists, historians, historians of science, librarians, archivists and museum custodians can be. The contribution of web designers, database developers and specialists in digital image processing neither can be underestimated. The review emphasizes the success of this interdisciplinary team and congratulates the editors on the way they revealed Herbarium's scientific, historical and cultural value.

Keywords: Robert Areskine (Erskine), Herbarium, Kunstkamera, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences

N.A. Ganina

IN MEMORIAM NIGEL F. PALMER

The article is dedicated to the memory of Nigel F. Palmer, a regular contributor to 'Odysseus', an outstanding scholar, Emeritus Professor of German Medieval and Linguistic Studies, Emeritus Fellow of St Edmund Hall (University of Oxford), FBA (1946 — 2022).

Keywords: history of the German language and literature, Medieval German, medieval manuscripts of German-speaking countries, history of book

S.A. Yatsyk

IN MEMORIAM E. LE ROY LADURIE

This article covers the life and academic contributions of Emmanuel Le Roy Ladurie, a prominent French historian known for his association with the Annales school and his role in pioneering micro-history. The author traces Ladurie's biography, starting with his early

years in Normandy and his youthful political engagement, and concludes with his achievements in the academic field. Particular focus is given to Ladurie's significant contributions in introducing quantitative methods to historical research. The article underscores Ladurie's versatility as a scholar who engaged with various historical aspects, from personal life of occitan peasants to global climate change. Furthermore, it explores his involvement in digital humanities and the application of computational technologies in historical scholarship and librarianship.

Keywords: Emmanuel Le Roy Ladurie, In Memoriam

**Одиссей.
Человек в истории**

**ИСТОРИЯ НАУКИ
2023 №2 (31)**

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Художник
Б.А. Котляр

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем — 29.31 усл. печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод — 130 экз.)
Зак. № 345

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А